

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

МИГ СЧАСТЬЯ
УСКОЛЬЗАЮЩИЙ

Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова

Миг счастья ускользающий

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Миг счастья ускользающий / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2023 — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-193547-4

Проводив мужа в командировку, а дочерей – в лагерь, Лена остается в городе, чтобы поработать над книгой, однако вдохновения все нет. Чтобы развеяться, она отправляется в гости к подруге, но настроение оказывается испорчено – по дороге какой-то наглый парень клянчит у нее деньги и походя оскорбляет. На обратном пути Лена снова встречает его! Казалось бы, ее обидчик получил по заслугам – парня избивают какие-то отморозки. Но она не в силах пройти мимо. Лена спасает его и привозит к себе, подавшись жалости. Денису всего двадцать, он жиголо и с ходу предлагает ей свои услуги. Лена с негодованием отказывается, не зная, что эта случайная встреча запустит череду странных и пугающих событий в ее жизни... Невероятно чувственные остросюжетные романы Татьяны Бочаровой из серии «Детектив сильных страстей» задевают самые тонкие струны в женской душе, заставляя вспомнить все, о чем мечталось, да не сбылось. Они дарят надежду, что никогда не поздно все изменить!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193547-4

© Бочарова Т. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Александровна Бочарова

Миг счастья ускользающий

© Бочарова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Граждане пассажиры, поезд отправляется через пять минут. Провожаящих просим выйти из вагона. – Голос проводницы был тусклым и усталым, как и ее лицо, нездорового, землистого цвета, с набрякшими нижними веками и почти без следов косметики.

Поглядев на нее, Лена подумала, что у бедняжки явные нелады с почками, а еще, наверное, сердце пошаливает. Немудрено, в такую-то жару!

Фирменный поезд «Москва – Хельсинки» сверкающей змеей протянулся вдоль пыльного перрона. У тамбуров толпился народ, спеша попасть внутрь.

Виктор взглянул на часы и деловито произнес:

– Ладно, будем прощаться.

Лена кивнула:

– Успехов тебе. Надеюсь, все выйдет так, как ты хочешь.

– И я надеюсь, – серьезно проговорил он. Помолчал немного, потом сдержанно улыбнулся: – Интересно, как финны будут изображать на сцене русских богатырей?

– Очень интересно, – со смехом согласилась Лена. – Но, однако же, они знали, на что шли, – твоя опера называется «Быль о быLINE».

– То-то и оно, – озабоченно подхватил Виктор, – и им это очень понравилось. Так что карты в руки уважаемым финским коллегам. Возможно, «Быль» окажется весьма оригинальной постановкой. Во всяком случае, мне не терпится взяться за работу как можно скорей.

– Возьмись. – Лена потянулась к мужу, чмокнула его в щеку. Тот легонько обнял ее и покосился на проводницу, уже стоящую на подножке.

– Звонить буду, как договорились. Девчонкам от меня привет. А главное, не скучай.

– Что ты! – бодро возразила Лена. – Какая скука? Я собираюсь работать, так же как и ты.

– Имеешь в виду книгу? – Виктор скептически поджал губы. – Ну-ну, попробуй. В одиночестве часто приходит вдохновение...

Под брюхом вагона угрожающе зашипело. Проводница вытерла платочком блестящий от пота лоб, лицо ее слегка оживилось.

– Граждане пассажиры, займите свои места. Мы отправляемся.

– Все, пока. – Виктор коснулся губами Лениного виска, потом осторожно отстранил ее от себя и легко запрыгнул на подножку.

Лена смотрела на его коренастую, ладно сбитую фигуру в легких летних брюках и светлой рубашке с короткими рукавами и чувствовала, как ее охватывает непонятное раздражение. Чтобы подавить его, она сделала пару глубоких вдохов и изобразила на лице улыбку.

Жара. От этого, наверное, и апатия, и ощущение разбитости, подавленности. Лене вдруг отчаянно захотелось выпить ледяного молока, из холодильника, залпом, прямо из пакета. Она судорожно слотнула.

Состав слабо, почти незаметно вздрогнул и поплыл мимо платформы. Толпа провожающих сорвалась с места. Лена точно очнулась от забытья и неловко, боком зашепила вслед за вагоном, по-детски вскинув ладонь.

– Леся! – прокричал Виктор, высываясь из-за спины проводницы. – Вообще-то это глупость, что ты остаешься совсем одна! Нужно было уговорить тебя ехать, заставить...

Проводница, обернувшись к нему, проговорила что-то резкое, судя по мимике, и потянулась закрыть дверь. Виктор осторожно придержал ее руку.

– Созвонимся. Билет можно достать в любую минуту. Советую хорошенько подумать насчет этого.

Лена на ходу кивала, уже не попевая за набирающим скорость поездом. Потом она остановилась, глядя на ускользающий, отливающий серебристым блеском хвост.

Стук колес стих, в расплавленном, душном воздухе повисла тишина. Народ, разморенный зноем, медленно растекался с платформы.

Лена немного постояла, взглядываясь в даль, туда, где растворился поезд, потом побрела к выходу.

По дороге ей попалась продуктовая палатка. Лена расстегнула было сумочку, намереваясь взять банку холодной колы, но передумала. Нечего травиться всякой гадостью, не умрет она, если дотерпит до дому.

Спускаться в метро не было никакого смысла – от Ленинградского вокзала до Шестой Парковой, где жила Лена, прямиком шли троллейбус и маршрутка. Конечно, поездка наземным транспортом требовала немного больше времени, зато никакой суеты, хлопот и пересадок – сел себе и гляди в окно до самого дома.

На маршрутку стоял приличный хвост, а троллейбус заворачивал из-под моста почти пустым.

Лена зашла в салон, села на теневую сторону, пошире отодвинула уже наполовину открытое стекло, удобно откинулась на спинку и попыталась прогнать неизвестно откуда навалившуюся хандру.

В чем дело? Какая муха ее укусила? Ведь все происходит так, как она хотела. Виктор написал новую оперу, его пригласил хельсинкский театр для постановки, она могла поехать с мужем, но осталась. Двумя днями раньше отправила дочерей в спортивный лагерь и предпочла остаться одна на целый месяц.

Зачем? Ответ Лена отлично знала. Он ждал ее дома, в их с Виктором спальне, одновременно являющейся и рабочим кабинетом. В памяти компьютера хранилась рукопись книги, без малого уже три года, терпеливо ожидая, когда же автор найдет в себе силы закончить работу. Эту рукопись Лена втайне от всех давно привыкла считать главным, что есть у нее в жизни.

Если бы кто-то сумел заглянуть в ее мысли, то был бы немало удивлен, что львиную долю занимает вовсе не образцовая семья – муж, с которым она прожила почти семнадцать лет, дети, симпатичные и общительные девочки-подростки, домашнее хозяйство, которое непременно должно обременять голову любой добропорядочной женщины.

Основная часть этих мыслей принадлежала практически никому не известному и прочно забытому потомками Аполлинарию Феофанову, чудаковатому, нескладному и невезучему гению, жившему в Москве в конце восемнадцатого века и, подобно великому Леонардо, писавшему удивительные стихи, загадочные картины и научные труды, опережающие свою эпоху.

В музее Феофанова, крошечном старинном особнячке, притулившемся за новыми высотными зданиями, Лена работала десятый год – с тех самых пор, как разругалась вдрызг с заведующим кафедрой искусствоведения, на которой ее, отличницу и краснодипломницу, оставили после окончания университета. Кусая губы от ярости, она накатала заявление и сунула ему под нос. Завкафедрой, не глядя, отпер сейф, вынул трудовую книжку, шлепнул в нее печать, швырнул на стол. Лена схватила ее дрожащими руками, запихнула в сумочку и, грохнув дверь, вылетела из кабинета.

Ей было двадцать пять, и любая несправедливость казалась тогда чем-то вроде стихийного бедствия – пожара, наводнения, землетрясения. Хотелось бороться, грудью броситься на амбразуру, доказать обидчику, что тот не прав.

Дома Виктор выслушал сбивчивый и эмоциональный рассказ и скептически покачал головой.

– Что? – Лена округлила наивные, серые глаза. – Разве я неправильно поступила? Нужно было терпеть этого идиота и тот маразм, который он пытается выдать за научный взгляд?

– Как тебе сказать? – Виктор грустно усмехнулся и, обняв Лену, посадил себе на колени.

– Так и скажи! – резко потребовала она.

– На мой взгляд, ты все сделала верно. Твой руководитель и впрямь придурок, каких мало, достаточно почитать его публикации. Но... – Виктор тихонько вздохнул и погладил Лену по голове.

– Но? – тихо повторила она.

– Где ты будешь искать работу, солнышко? Я имею в виду, такую, как на кафедре?

Лена растерянно смотрела на мужа. Если говорить начистоту, во время ссоры с шефом она меньше всего думала о том, что ей предстоит новое трудоустройство. Это казалось незначительной мелочью, пустяком по сравнению с теми великолепными обличительными словами, которые складно срывались с ее губ и летели напрямик в лицо завкафедрой.

– Найду что-нибудь, – наконец не очень уверенно произнесла она.

– Вот именно – что-нибудь. – Виктор выразительно хмыкнул. – Пойми, милая моя, вас, искусствоведов много, гораздо больше, чем художественных ценностей, которые надо представлять и описывать.

Насколько муж был прав, Лена поняла всего через месяц, изучив весь телефонный справочник от корки до корки и обзвонив не менее трех десятков музеев и выставочных залов. Нигде не требовались ее услуги, насиженные и теплые рабочие места были прочно заняты. Ничего не оставалось, как пойти в школу преподавать мировую художественную культуру. И тут, словно по заказу, позвонила Тамара.

Они с Леной не общались с самой защиты диплома. Собственно, они никогда тесно не общались и не были подругами – так, просто однокурсницами. У отличницы Лены была своя компания, у троечницы Томки – своя. Иногда их интересы пересекались, и тогда оказывалось, что с Томкой есть о чем поболтать – несмотря на свои хвосты, она довольно сообразительная и продвинутая девчонка. Но такое случалось лишь изредка.

Теперь Томка звонила и приглашала Лену сотрудником к себе в музей. Оказывается, она уже полтора года работала в доме-музее какого-то не то поэта, не то изобретателя, о котором большинство москвичей и слыхом не слыхали, но сама Томка считала очень талантливым и интересным.

– Нам нужны люди, – щебетала она в трубку, – увлеченные, такие, как ты. Подъезжай завтра к одиннадцати, будет наш директор, Семен Ильич. Классный дядька, познакомишься с ним, посмотришь экспонаты.

Лена слушала, и ее захлестывало любопытство. Кто такой, этот Феофанов? Почему она о нем ничего не знает? Да что она – даже в справочнике нет координат Томкиного музея.

– Я приеду, – твердо пообещала она.

Виктор к Лениной затее отнесся с насмешкой и недоверием.

– Зачем тебе эта левая контора? Что за неведомый миру Кулибин? Сейчас на старинные особняки особый спрос, не сегодня завтра ваш музей разгонят к чертовой бабушке.

Если бы только Лена могла представить, насколько пророческими окажутся его слова! Но для этого нужно было бы забежать на десять лет вперед. А тогда... тогда она лишь передернула плечиками и полезла доставать из шкафа деловой костюм.

Особнячок действительно оказался старинным, давно требующим реставрации. Обшарпанные стены украшала замысловатая лепнина, у входа высились три полуразрушенные готические колонны.

Лена толкнула скрипучую тяжелую дверь и очутилась в темном и тесном вестибюле, насквозь пропитанном восхитительным запахом древней, вековой пыли. В зарешеченное окошко под самым потолком проглядывал озорной солнечный луч, освещая край противоположной стены с отлетевшей штукатуркой.

Почти вплотную к двери стоял столик на гнутых тонких ножках, за ним сидела сухопарая старуха с неподвижным маловыразительным лицом.

– На экскурсию? – хриплым вороньим голосом поинтересовалась она у Лены.

– Мне нужна Тамара Комарова.

– Она в зале, – каркнула старуха и ткнула узловатым, корявым пальцем куда-то вбок.

Лена едва углядела в темноте другую дверь и двинулась было к ней, но вахтерша строго окликнула:

– Куда в грязной обуви? Тапочки возьми, там, в сундуке.

Лена, стыдясь собственного легкомыслия, кивнула, вытащила из деревянного ящика матерчатые музейные тапки с тесемками, надела их поверх ботинок.

В это время в вестибюле появилась Тамара.

– Пришла? – обрадовалась она. – Семен Ильич уже ждет. Идем быстрее.

По контрасту с почти лишенным света вестибюлем зал буквально ослепил Лену. Вокруг все было белоснежным – стены, потолок, даже пол, покрытый домоткаными половиками. Витрины блестели отполированными стеклами, два угла были пусты, остальные занимали тяжеловесный дубовый шифоньер и старенькая, допотопная фисгармония.

– Ну как? – спросила Тамара, выждав пару минут, пока Лена в восхищении оглядывалась по сторонам.

– Замечательно, – искренне призналась та. – И такая чистота!

– Стараемся, – со скромной гордостью произнесла Тамара, – правда, Семен Ильич?

Тут только Лена заметила притаившегося за стенкой шифоньера маленького лысоватого человечка, до ужаса напоминавшего гнома. Для полного сходства не хватало лишь колпачка, зато налицо были огромный нос картофелиной, длинная пегая борода и огромные, нелепые носки штиблет.

«Как в сказке», – подумала Лена, чувствуя, что ее наполняет необычное, волшебное ощущение теплоты и покоя, будто она непостижимым образом вернулась в детство.

Смешной, похожий на гнома человечек кашлянул, потеревил бороду и шагнул Лене навстречу.

– Здравствуйте!

Голос у него был приятный, бархатистого тембра, слегка грубый.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Лена и протянула гному руку. Тот аккуратно пожал ее маленькими, кукольными пальцами.

– Вы Елена Владимировна, если не ошибаюсь?

– Да.

– Очень приятно. Меня зовут Семен Ильич. Я директор музея. Нравится вам у нас?

– Нравится, – кивнула Лена.

– Вы ходите по залу, посмотрите экспозицию. Эта трагическая личность, наш Аполлинарий, еще одно доказательство, как порой бывает несправедлива жизнь и история. Поглядите внимательней. – Директор мягко, но настойчиво взял Лену под локоть и повлек за собой к одной из витрин. – Вот, тут стихи. Все очень хорошо сохранилось. Гляньте, какой почерк! А содержание! Разве так писали в тысяча семьсот втором году? Писали, я спрашиваю?

– Нет, не писали, – согласилась Лена, прочитав стихотворение.

– Вот именно, – с жаром проговорил Семен Ильич. – А еще я вам доложу, что эту фисгармонию Феофанов смастерил сам, по собственным чертежам. Как и уникальный диапроектор, который хранится в шкафу, и многое другое.

Тамара стояла в сторонке, старательно пряча улыбку, и время от времени подмигивала Лене. Та ходила вслед за Семеном Ильичом от витрины к витрине и уже не сомневалась, что будет здесь работать.

Пусть о Феофанове никто не знает, экспозиция занимает всего один зал, а в штате музея лишь шесть человек, включая сидящую на вахте суровую старушечку, – это ее место. И она сумеет сделать его интересным и любимым...

...Лена глянула в окно и с удивлением обнаружила, что почти приехала, троллейбус уже катил мимо Парковых улиц. Это значило, что ее воспоминания заняли не меньше получаса. Зато настроение улучшилось, на душе стало веселее.

Сейчас она доберется до дому, перво-наперво осуществит свою мечту о холодном молоке, затем примет душ и сядет за компьютер.

За те десять лет, что Лена проработала в музее, она изучила и жизнь, и творчество Феофанова досконально. И поняла – о нем должны узнать люди.

Как этого добиться? Очень просто – написать книгу, в которой день за днем, час за часом отобразить биографию Аполлинария, дать характеристику каждому из его уникальных произведений, сделав это в легкой и доступной для неискушенного читателя форме.

Особенно актуальным это стало теперь, когда, как и пророчествовал Виктор, на особый лад положил глаз кто-то из местных фирмачей, музею грозит ликвидация, а всех сотрудников спешным порядком отправили в принудительный отпуск.

Лена вспомнила сморщенное, точно от зубной боли, лицо Семена Ильича в тот момент, когда он сообщал сотрудникам жуткое известие, и вздохнула. Неужели им суждено потерять здание? Лучше уж не думать об этом, надеяться, что все обойдется. На прошлой неделе коллектив написал письмо в мэрию с просьбой не уничтожать уникальный памятник старины. Ответ должен прийти со дня на день, может быть, уже пришел. Нужно будет позвонить Тамаре – она всегда в курсе дел...

...Троллейбус плавно затормозил. Лена поспешно поднялась и вышла.

До дому от остановки было рукой подать, но ей почему-то показалось, что прошла целая вечность, пока она наконец очутилась у дверей своей квартиры. «Жара», – в который раз за сегодняшний день мелькнуло в голове.

В прихожей было душно, приторно пахло духами, нечаянно разлитыми перед отъездом на вокзал.

Лена скинула тесные босоножки и с наслаждением прошлепала босиком по прохладным кафельным плиткам в кухню. Настежь распахнула холодильник, достала нераспечатанный пакет молока, аккуратно срезала ножом уголок.

Боже, как хорошо! Теперь в душ и за работу.

Через полчаса она уже сидела в спальне за столом. На ней был коротенький атласный халатик без рукавов, мокрые волосы укутывал тюрбан из полотенца. Рядом с компьютером стоял все тот же, заметно похудевший, пакет с молоком.

Лена сосредоточенно поглядывала на экран, пальцы деловито бегали по клавишам. Она твердо решила, что не встанет с места, пока не закончит главу.

Собственно, Лена давным-давно знала каждое слово в этой главе. Иногда, возвращаясь вечером с работы или идя из магазина, она полупшепотом декламировала текст, который нужно впоследствии перенести на экран компьютера. Получалось красиво, логично и стройно – Лена даже удивлялась той легкости, с которой возникают у нее в голове предложения и фразы.

Однако стоило ей добраться до дому и сесть за стол, на нее точно ступор находил. Все придуманное тут же напрочь улетучивалось из памяти, оставались лишь сухие, скучные и корявые обрывки недавнего литературного великолепия.

Лена мучилась, кусала губы, безжалостно стирала абзац за абзацем, пока наконец в комнату не заглядывали Виктор или девчонки с какой-нибудь просьбой. Тогда она с чистой совестью закрывала файл и шла заниматься хозяйством, так и не завершив злополучной главы.

Увы, сегодняшний вечер не стал исключением, несмотря на то что отвлекать Лену было абсолютно некому – в пустой квартире царила мертвая тишина.

Все же Лена со страшным скрипом вытянула из себя с десятков страниц. Она просидела за компьютером три с половиной часа, пока не почувствовала себя полностью обескровленной, уставшей до предела.

Молочный пакет на столе сиротливо скукожился, за окном начало темнеть. Лена потянулась, разминая затекшую спину и плечи, на минутку прикрыла глаза и тут же услышала резкий телефонный звонок.

«Томка, наверное, – вяло решила она, – а может быть, девчонки. Хотя нет, звонок явно не междугородний».

Лена тяжело поднялась, вышла в прихожую, где висел аппарат, взяла трубку.

– Ленусик, это я!

Это действительно была Тамара, и Лена вспомнила, что сама намеревалась позвонить ей, как только освободится.

– Привет. Как дела? Что-нибудь выяснилось насчет письма?

– Пока ничего. Ты-то как? Проводила Витюшу?

– Да.

– Все в порядке?

– Вроде бы. – Лена покосилась на приоткрытую дверь в спальню.

– А чем занимаешься? Небось наслаждаешься полной свободой, ловишь кайф? – Томка захохотала.

Лена невольно улыбнулась.

– Почти. Пытаюсь продолжить книгу.

– Ну и как успехи? – полюбопытствовала Тамара.

– Кажется, оставляют желать лучшего, – честно призналась она.

– Пора тебе уже завершить свой труд. У меня руки чешутся его отредактировать.

– Шустрая какая, – засмеялась Лена. – Я еще только на середине. – Она немного помолчала и добавила серьезно: – Если честно, Том, белиберда какая-то выходит.

– Почему белиберда? – удивилась та.

– Сама не знаю. – Лена тяжело вздохнула. – Настроение поганое. В голове ни одной умной мысли.

В трубке на пару мгновений повисла тишина. Затем Томка неуверенно предположила:

– Может, ты это... по Виктору скучаешь? Ну, переживаешь, что он уехал без тебя?

– Да что ты! Я же сама отказалась. Специально, чтобы писать. И потом, он же не первый раз уезжает, я давно к этому привыкла.

– Тогда не знаю, – недовольно произнесла Тамара, – но советую с книгой не тянуть. Кажется, это скоро будет единственным, что останется от Феофанова.

Лена почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

– Ты шутишь? Неужели все так плохо?

– Ой, не знаю. – Голос подруги дрогнул. – Я сегодня Семену Ильичу звонила, тот абсолютно никакой. Давление поднялось, еле говорит. Кто-то из знакомых чиновников ему сообщил, что, дескать, дело уже проиграно – все бумаги давно подписаны, а бабки уплачены.

– Но ведь официального ответа нет, – не сдавалась Лена.

– Ну нет, – с неохотой согласилась Томка, – только вот предчувствия у меня самые что ни на есть мрачные.

– Ладно, – решительно проговорила Лена, – не будем о предчувствиях. Пойду я, Том, у меня компьютер включен. Может, напечу еще пару страничек.

– Иди, цеди, – разрешила Тамара, – завтра утром созвонимся.

– Целую. – Лена положила трубку, прошла в комнату, снова уселась за стол. Прокрутила вновь написанные страницы в обратном порядке. Устроилась поудобней и впиалась взглядом в экран.

«...В восемнадцать лет к Аполлинарию пришла первая любовь. Ее звали Грушенька, Аграфена Петровна Лушникова. Она была дочерью Петра Павловича Лушников, полковника гвардии. Феофанов в ту пору только поступил в университет, а параллельно с этим увлекался

живописью, писал портреты знакомых и приятелей. Работы его отличались удивительной точностью, как-то незаметно пошла слава о нем как о хорошем портретисте. Родители Грушеньки попросили Аполлинария нарисовать их дочь.

Двадцатидолетняя Аграфена слыла записной московской красавицей, на балах, по тогдашнему ассамблеях, у нее от кавалеров отбоя не было. Темные вьющиеся волосы, черные как ночь глаза, яркий рот, атласно-белая кожа. Аполлинарий увидел ее и обомлел. Потом, когда первый сеанс был окончен, он писал в своем дневнике: «Ангел снизошел ко мне... Нет. Сие есть диавол, ибо предчувствую гибельность нашей встречи. Разбьет сердце, власно сосуд хрупкий, безделушку пустую. Огонь сжигает главу, за окном ночь, но жду рассвета зело, понеже о н а придет. Имя ей – дурман, облик – божествен. Ей отныне вельми принадлежит живот мой».

Грушенька быстро поняла, что юный живописец влюбился в нее до самозабвения. Его чувства были ей забавны – Аполлинарий не отличался ни красотой, ни сложением, был нескладный и робкий, да еще заметно косил на правый глаз. О том, чтобы рассматривать его в качестве жениха, и речи не шло – Феофанов был мещанином, Грушенька – потомственной дворянкой. И все-таки они сошлись: коварной и самовлюбленной Лушиковой захотелось потешить себя, жаль было отказываться от столь пылкого и страстного обожателя.

Аполлинарий был счастлив. Он бросил к ногам Грушеньки все, что имел: делал ей дорогие подарки, сочинял оды в ее честь, трижды переписал заказанный ему портрет. Петру Павловичу, кстати, работа Феофанова не понравилась: он нашел, что автор изобразил его дочь слишком похоже, а в те времена принято было приукрашивать рисунок по сравнению с оригиналом. Зато Грушенька, увидев свой портрет, пришла в восторг. Художник был вознагражден сразу несколькими подряд тайными свиданиями.

Постепенно увлечение Феофанова Лушиковой перерастало в манию. Он перестал есть и спать, сидел дома и ждал весточки от любовницы. Но той быстро наскучило общение с неопытным и романтичным юношей. К тому же настала пора выбирать жениха. К Аграфене посватался некто Дехтярев, богатый и блестящий дворянин, любимец высшего света. Аполлинарий, узнав, что возлюбленная выходит замуж и уезжает в Петербург, а оттуда в Париж, хотел наложить на себя руки. Его спас вовремя пришедший приятель по университету.

Феофанов решил бороться с собой: сжег половину стихов, посвященных Грушеньке, изрезал ножом холсты с другими ее портретами. А после сочинил новые стихи и пытался по памяти восстановить рисунки.

Лишь через два года ему удалось полностью излечиться от своей трагической и роковой привязанности, но его душа уже была необратимо изранена, а вера в людей пошатнулась...»

...Лена читала абзац за абзацем, страницу за страницей, и ею овладевала черная тоска.

Не то, все не то! Чушь какая-то. О чем она пишет? О маленьком, незаметном человеке, который два века назад сидел в своем доме, в полном одиночестве, никем не понятый, не оцененный, и пытался выразить себя через искусство. Сочинял, писал картины, конструировал музыкальные инструменты – и надеялся, что его творчество найдет отклик в душах людей, если не современников, то хотя бы потомков.

Но он жестоко ошибался. Прошло два столетия, о нем так никто и не вспомнил, кроме горстки людей, случайно соприкоснувшихся с удивительным миром его фантазий и грез и оказавшихся добровольными пленниками этого мира.

Эта книга прежде всего о человеческих чувствах, о боли и горечи, бесконечных поисках истины, моментах гениального прозрения, вере и надежде. Так откуда же этот сухой, занудный тон, мертвый и тусклый язык? Точно теорема с целой уймой доказательств, следствий и дополнений.

Лена с остервенением надавила на клавишу, уничтожая свой многочасовой труд. Нет, не выйдет из нее писательницы, даже одну-единственную книгу ей не закончить. Нечего и время тратить, лучше заняться чем-то дельным.

Она выключила компьютер, отнесла пустой пакет в мусорное ведро, вымыла пару чашек, оставшихся с утра в мойке, тщательно подмела и без того чистый пол. Полила из кружки крупную бархатистую фиалку, стоящую на холодильнике, и в нерешительности застыла посреди кухни.

Что все-таки, черт возьми, с ней происходит? Откуда это отвратительное состояние тоски и опустошенности? Днем Лене показалось, что оно прошло, но нет – сейчас она чувствует себя еще хуже, чем по пути с вокзала.

Неужели Томка права и Лена переживает расставание с Виктором? Нет, глупости, дело не в этом, а в другом – в чем она не желает признаться даже себе самой, упорно прогоняя прочь запретные мысли.

Так не пора ли раскрыть карты и взглянуть наконец правде в глаза? Вовсе не разлука с мужем печалит Лену, ее угнетает то, как они расстались. Стоя на перроне, избегали смотреть друг другу в глаза, вели пустой, никому не нужный разговор, холодный и небрежный поцелуй на прощанье.

Еще несколько лет назад все было иначе – страстные взгляды, нежные слова, жаркие объятия. Да что там, раньше бы Лена непременно воспользовалась приглашением Виктора и поехала с ним, наплевав на все свои дела. Если уж быть до конца откровенной, то и дела она себе выискивает от тоски и одиночества.

В последнее время жизнь стала пресной и пустой, как недосоленный, постный суп. Девчонки выросли: Ритке уже шестнадцать, Валюшке осенью будет четырнадцать. У них свои интересы, свои секреты. Уроки сделают – и исчезают, а вернуться – запрутся у себя в комнатке и шепчутся, хихикают.

Нет, Лена и не думает роптать, отношения у нее с дочерьми самые дружеские, да только не нужна она им больше двадцать четыре часа в сутки, как бывало, когда они были маленькими.

И Виктору не нужна. У него работа, партитуры, голоса, он вечно или за синтезатором, или корпит над нотным листом. Увидит Лену – улыбнется, глянет рассеянно – и снова к своим закорючкам и скрипичным ключам.

Вот Лена и придумала себе Феофанова, спряталась за его тщедушную, худую спину, существует в вымышленном мире, который вот-вот рухнет, оставив ее лицом к лицу с суровой правдой жизни...

...Она тронула давно просохшие волосы и медленно подошла к стоящему в прихожей зеркальному шкафу-купе, пристально вгляделась в свое отражение.

Вот они, все ее тридцать пять, видны как на ладони. Губы поблекли, в уголках глаз «гусиные лапки», а главное, сами они пустые, потухшие. Кто станет смотреть на женщину с такими глазами? Никто! Еще пять-семь лет – и она превратится в законченную старуху, в то время как другие к сорока годам расцветают заново.

А дуреха Томка ей еще завидует, считает, что они с Виктором – идеальная пара, потому, мол, что почти никогда не ссорятся и друг другу не изменяют. Знала бы она, как Лене иногда хочется очутиться на месте подруги, и пусть бы они с мужем лаялись, как Томка со своим Жекой. Зато потом, ночью, у них было бы нежное примирение и любовь, любовь... Эх!

Лена легонько помассировала щеки и лоб кончиками пальцев, добиваясь, чтобы кожа хоть немного порозовела, затем намазала веки кремом и отправилась разбирать постель.

Глава 2

Рано утром ее разбудил телефонный звонок.

– Мам! – весело проверещал далекий голосок Ритки. – Ты спишь?

– Нет, не сплю. – Лена старательно откашлялась, прогоняя утреннюю осиплость. – Как вы там?

– Отлично! Погода – супер, море теплушее! И каждый вечер дискотека до полдвенадцатого!

– Дискотека – это здорово, – с улыбкой согласилась Лена. – Вы только смотрите не перекупайтесь в первые же дни, а то потом сляжете на всю смену.

– Не сляжем, – горячо заверила Ритка. – Здесь за нами о-го-го как следят. В воде десять минут, а потом солнечные ванны. Мама! – Она слегка понизила голос и восторженно сообщила: – Представляешь, тут за Валюхой один кадр ухлестывает, ну просто отпад. Гришей зовут.

– Приличный хоть? – обеспокоилась Лена. – А то поматросит да и бросит. И вообще, рано ей еще кавалеров заводить, следи давай за сестрой!

– Я слежу, – со смехом проговорила Ритка. – Вы-то там как? Уехал папа?

– Уехал.

– Значит, ты, бедненькая, совсем одна. Скучаешь?

Лена подавила вздох.

– Скучаю. Особенно по вам.

– Не надо, – убежденно произнесла Ритка. – Нам очень-очень хорошо, правда. А как твой музей?

– Пока никак. Ждем решения мэрии.

– Ясно. – Ритка сделала секундную паузу, потом осторожно спросила: – Мамуль, а если вас все же... ну... я имею в виду – выселят, как же экспонаты?

– Не знаю, Ритуль, – честно призналась Лена. – Новым хозяевам они вряд ли понадобятся. Значит, распределим по сотрудникам.

– То есть к себе домой? – обрадовалась та.

– Да, – коротко ответила Лена, не желая обсуждать с дочерью болезненную тему, – давай не будем об этом. Особенно сейчас, по междугороднему телефону.

– Давай, – согласилась Ритка, – только обещай, что возьмешь к нам «Миг счастья...».

Возьмешь?

– Хорошо.

– Ну, пока!

Не успела Лена опомниться, как в ухо ударили короткие гудки. Она растерянно поглядела на трубку, которую продолжала сжимать в руке, затем повесила ее на рычаг. Вернулась в спальню, села на кровать.

Сквозь плотно сдвинутые жалюзи в комнату светило яркое и знойное июльское солнце. Лена вдруг отчетливо вспомнила, что в тот день тоже было солнечно, хотя на улице едва начался март...

...Под ногами чавкала серая каша из подтаявшего снега и грязи. Лена осторожно обходила глубокие лужи, опасаясь промочить ноги – она совсем недавно переболела ангиной.

У высокой чугунной, местами проржавевшей ограды ее ждала Тамара.

– Здравствуй.

– Привет. – Лена лучезарно улыбнулась подруге. У нее было замечательное настроение, лучше не бывает. – Сегодня у меня юбилей.

– Какой еще юбилей? – Томка вскинула на нее удивленные глаза.

– Ну как же? Месяц работы в музее. – Лена весело рассмеялась и обняла Тамару за плечи.

– А, ты об этом. – Та тоже улыбнулась. – Ладно. Нужно будет отметить. И я даже знаю как. – Томка сделала загадочное лицо.

– Как? – с любопытством проговорила Лена.

– Во-первых, выпьем чаю. У бабы Даши на вахте всегда отличные конфеты есть.

– А во-вторых?

– Во-вторых, пойдем покопаемся в подсобке. Тебе будет интересно.

Подсобка оказалась довольно большим помещением, расположенным в подвале особняка. Здесь хранились экспонаты, не вошедшие в экспозицию, а также старая, поломанная мебель и разный хлам, оставшийся с семидесятых-восьмидесятых годов, когда в особняке располагался самодеятельный рабочий театр.

Лена и Тамара не спеша ходили по темному гулкому залу, тихонько, вполголоса переговариваясь.

– Тут много чего стоящего было, – рассказывала Тамара. – Например, диапроектор, о котором говорил Семен Ильич. Мы его случайно нашли, лежал себе под креслом, в какой-то дырявой коробке. А еще макет парусника – его, правда, пришлось ремонтировать. Мы с Семеном Ильичом первое время, как музей открылся, сюда почти ежедневно ходили. Теперь ничего интересного не осталось. Разве только ты посмотришь свежим взглядом.

Лене и самой не терпелось совершить пусть маленькое, но открытие. Она методично проглядела несколько рассохшихся, пыльных шкафов, перерыла огромную стопку рукописей. Но почему-то ей не везло: шкафы в основном были забиты рухлядью, а рукописи оказались сплошь дубликатами того, что уже было представлено в зале на витринах.

Тамара вскоре ушла наверх, проводить экскурсию, а Лена упрямо продолжала поиски. От пыли у нее начался насморк, глаза слезились, она то и дело громко чихала, но не прекращала своего занятия.

Так прошло часа два или даже больше, и ее усилия увенчались успехом: за одним из шкафов обнаружилась пара гипсовых скульптурок ангелов, явно смастеренных самими Феофановым, с выгравированными на них автографами автора. У одного не хватало крыла, у другого отсутствовала половина головы.

Лена с грустью рассматривала трогательные, покрытые пылью и грязью фигурки. Надо бы протереть их, прежде чем нести наверх.

Она пошарила глазами в поисках какого-нибудь тряпья и обнаружила у стены остатки мешковины. Рядом валялись большие портняжные ножницы – очевидно, мешковиной пользовались много раз.

Лена подошла, отогнула край материи, потянула его на себя, и тут ее пальцы нащупали что-то жесткое. Она торопливо размотала тряпку – в середине, как гусеница в коконе, лежало потускневшее полотно без рамы.

Затаив дыхание от предчувствия удачи, Лена взяла картину дрожащими руками. Вынесла ее в центр зала, под свет люстры, бережно расправила, установила на стуле с высокой спинкой.

Это был пейзаж. Сквозь разводы грязи Лена отчетливо различила залитую солнцем лесную опушку, мохнатые лапы елей, заросли маличника, красные гроздья бузины. Над бузиной порхала крупная стрекоза, из дупла ели выглядывала рыжая белка. В густой зеленой траве копошился деловитый еж, неподалеку от него разгуливала пестрая сорока.

Лена застыла перед стулом на корточках, не в силах оторвать глаз от картины. Детали на ней были прописаны с фантастической подробностью, с таким мастерством, будто это была фотография. В самом углу ясно различался муравейник, подобный крохотной пирамидке. Он поразил Лену больше всего.

Как мог Феофанов создать такое чудо? Ведь это стиль позднего Шишкина, так стали писать более чем через сто лет, а во времена Аполлинария подобным натурализмом никто не владел!

Лена осторожно перевернула картину – на оборотной стороне четким, знакомым, каллиграфическим почерком значилось «Миг счастья ускользающий...»

Сомнений не оставалось – это было название пейзажа.

– Эй, ты идешь или нет? – В приоткрытую дверь просунулась голова Тамары. – Чай готов, все ждут.

– Смотри, – шепотом проговорила Лена, не отводя взгляда от полотна. – Подойди сюда.

Томка, недовольно ворча, приблизилась, склонилась над стулом, тихо присвистнула.

– Ты где это нашла?

– В мешковине. – Лена кивнула на пол.

– Елки-палки, – с досадой произнесла Томка, – Как это я не заметила? Ведь сто раз ворошила эти тряпки! И сохранилось хорошо, рамку только заказать в мастерской и можно вывешивать в зал. – Она замолчала, задумчиво разглядывая картину. Потом тихонько вздохнула. – Красота какая. Название-то у нее есть?

– Есть. Вот. – Лена продемонстрировала изнанку холста.

– Странно, – Тамара недоуменно пожала плечами, – почему «Миг счастья ускользающий»? В каком смысле?

Лена покачала головой.

– Не знаю. Я и сама об этом думаю вот уже десять минут. Если бы называлось просто «Миг счастья», тогда было бы ясно. Летний день, жара, все живое радуется солнцу. А «ускользающий»... нет, я не понимаю.

– Бог с ним. – Тамара махнула рукой. – Может, Семен Ильич объяснит. Бери полотно, и идем.

Найденный Леной холст произвел впечатление на всех без исключения сотрудников музея, включая пьющего столяра дядю Севу и суровую бабу Дашу. Последняя долго смотрела на феофановское творение, беззвучно шевеля тонкими сухими губами, и наконец авторитетно заявила:

– Дельная картинка.

Семен Ильич, вопреки ожиданиям девушек, так же не смог разгадать непонятого значения, скрытого в названии, и от этого картина показалась Лене еще более манящей и загадочной.

Полотно аккуратно очистили, вставили в простую и строгую деревянную раму и повесили на стену рядом с фисгармонией.

У Лены вошло в привычку каждое утро, приходя на работу, останавливаться возле «Мига счастья...» и пару минут смотреть на холст. Удивительно, но после этого она чувствовала сверхъестественный прилив сил, общий эмоциональный подъем, словно ее, подобно обитателям лесной поляны, питало и грело ласковое летнее солнце.

Лена выучила в картине каждый мазок, каждую мелкую, на первый взгляд незначительную, деталь, самый тончайший штрих. Иногда «Миг счастья...» даже снился ей – рыжая веселая белка, оцетинивший колючки ежик, трудяги-муравьи.

Виктор называл Ленину увлеченность картиной «бабской сентиментальностью», девчонки же, напротив, соглашались: в холсте есть что-то магическое. Лена много раз водила их в музей, особенно старшую, Ритку.

...За стеной на полную мощь взревели стереоколонки. Лена вздрогнула и вышла из оцепенения.

Сколько она просидела так, неподвижно, не шелохнувшись? Кажется, после Риткиного звонка прошло минут двадцать, а то и больше.

Лена лениво поднялась с постели, зажгла сигарету, щелкнула телевизионным пультом, чтобы заглушить адское буханье низких частот, несшееся из соседской квартиры. Глянула на экран и брезгливо поморщилась: у микрофона жеманилась и всюю крутила соблазнительной попкой полуголая, совершенно безголосая девчонка.

И зачем только таких выпускают на эстраду? Ни внешности, ни таланта, одно сплошное бесстыдство. А молодежи, поди, нравится. Она теперь не стеснительная, не то что ее, Ленино, поколение. Тогда в школу нельзя было даже сережки надеть, а уж чтоб прийти с выкрашенными в оранжевый цвет волосами и в юбке до пупа – и говорить нечего. А нынешние ходят себе и в ус не дуют. Даже Ритка посылает родителей куда подальше, цепляет на себя украшения, точно новогодняя елка, и топает на уроки.

Лена переключила канал и невольно усмехнулась. Вот и докатилась – рассуждает, как ее собственная бабка, кроет молодых, ворчит, точно ей не тридцать пять, а под восемьдесят. И ведь знает, что не права: нет хуже занятия, чем корить других, если они не такие, как ты.

Нет, нужно срочно что-то сделать, как-то развеяться, встрепенуться. Черт возьми, может, любовника завести?

Лена скептически покачала головой. Где его взять, этого любовника? Она последнее время нигде толком не бывает: работа, дом, снова работа. Ну есть еще магазины, школа, в которую Лена навевается на родительские собрания. Праздники они с Виктором проводят у старых, давно наскучивших друзей, таких же занудных и предсказуемых, как они сами. Исправно раз в месяц посещают театры или выставки. И все. Не на улице же знакомиться – чай, не девчонка, неудобно все-таки...

...Размышляя подобным образом, Лена убрала в спальне, вышла на кухню, приготовила себе легкий завтрак. Потом уселась за стол с чашкой кофе, прикидывая, как провести день.

Наверное, лучше всего позвонить Томке и попроситься к ней в гости. Писать она все равно не может, хоть пообщается по-человечески. Заодно они с Тамарой обсудят ситуацию в музее, подумают, как быть, можно ли что-нибудь предпринять.

Та откликнулась сразу.

– О, это ты? А я как раз собираюсь тебе звонить. Чем думаешь заняться?

– Сейчас сбегаю в магазин, набыю холодильник, потом немного постираю и нагряну к вам. Не возражаешь?

– Нет, конечно, – обрадовалась Тамара. – У меня как раз сегодня Жека выходной. Посидим в теплой компании. К трем будешь?

– Буду. С меня торт и мороженое.

– Только мороженое, – безапелляционно заявила та, – за тортом я Женьку пошлю.

– Ну хорошо, – со смехом согласилась Лена.

Они распрощались. Лена выкурила еще одну сигарету, пропылесосила полы и сходила в ближайший супермаркет. Взяла пачкупельменей, сметану, новый пакет молока и пучок молодой редиски. Этого ей хватит на несколько дней, так что о еде можно не беспокоиться.

Загрузив продукты в холодильник, Лена на скорую руку прополоскала легкие вещи, оставленные девчонками и мужем, а остальное белье кинула в корзину дожидаться очередной машинной стирки. Потом уселась в спальне перед трюмо и принялась за макияж.

Не выключенный телевизор продолжал вещать вполголоса. Когда Лена закончила наводить марафет, на экране шел прогноз погоды. К вечеру ожидался кратковременный дождь и небольшое похолодание.

Лена достала с вешалки легкий шелковый костюм, брюки и топик, затем, слегка поколебавшись, добавила к нему светло-кремовый летний пиджак – на всякий случай, чтобы не замерзнуть, если засидится у Томки допоздна.

Выключила телевизор, проверила плиту и, накинув на плечо изящную сумочку, вышла из дому.

На улице, несмотря на обещанное похолодание, было дикое пекло. Лена тут же свернула пиджак и спрятала его в пакет. Купила в киоске журнал и бодро зашагала к метро.

К Томке надо было ехать в центр. Она обитала в одном из арбатских переулков, в старенькой кирпичной пятиэтажке. Квартира досталась ей от умершей тетки, жившей совершенно одиноко и из всех родственников имевшей лишь любимую племянницу.

Вот уже года три Томка с Жекой делали в своем жилище ремонт и все никак не могли закончить его: в кухне на полу стояли банки с краской и лаком, в туалете громоздились штабеля плитки. Обои в гостиной терпеливо дожидались, пока их украсят запланированным бордюром, а спальня была заставлена мебелью из других комнат.

– Так мы и будем жить, как на складе или на вокзале, – жаловалась Томка, – с моим козлом разве что-нибудь доведешь до конца!

Слово «козел», впрочем, звучало из ее уст весьма ласково и даже любовно. В высоченном, черноволосом и усатом Жеке было намешано великое множество кровей, в том числе казацкая и ингушская. Томка этим страшно гордилась и даже когда ругала мужа, любила повторять, выразительно закатывая глаза: «Что поделать, он у меня мужчина горячий, уж такие корни».

«Горячий мужчина» полностью оправдывал свое прозвище: Томка жила как на вулкане. Дома постоянно бушевали скандалы, частенько сопровождающиеся рукоприкладством. Сын, Вовка, прятался по соседским квартирам, дожидаясь, пока родители отвоюют и помиряются. Иногда, после особенно жарких баталий, приходилось чинить мебель и убирать осколки разбитой посуды. Однако Томка почти никогда подолгу не горевала – видимо, подобная семейная жизнь ее вполне устраивала...

...Метро было по-летнему полупустым. Лена села, раскрыла журнал и погрузилась в чтение. Через полчаса она уже выходила на станции «Арбатская».

На часах было лишь десять минут третьего. Решив, что купит мороженое у самого дома, чтобы оно не растаяло, Лена не спеша прошла мимо кинотеатра «Художественный», мельком проглядела афиши и завернула на пешеходный Арбат.

Она не была здесь ровно месяц, с Томкиного дня рождения. Тогда лето только начиналось, и народу было гораздо больше. Однако и сейчас вокруг кипела бурная жизнь: художники предлагали картины, группки интуристов с интересом рассматривали выставленные на лотках расписные матрешки, примеряли военные фуражки и русские платки. Прямо на тротуаре плясала босоногая тоненькая девчушка, толпа зевак лениво хлопала в ладоши и кидала мелочь в лежащую рядом засаленную меховую шапку.

Лена, глаза по сторонам, добралась до театра Вахтангова. Отсюда до Томкиного дома уже было рукой подать. Она взяла в палатке два больших брикета крем-брюле и поспешила к переулку.

– ...Гражданка! Будьте так добры, помогите бедному абитуриенту!

Лена удивленно подняла лицо. Перед ней, точно выросший из-под земли, стоял рослый парень в джинсах и модной голубой рубашке.

– Чего вам, молодой человек? – сухо поинтересовалась Лена.

– Женщина, прошу вас, войдите в мое положение. – Юноша уставился на Лену честными и одновременно наглыми глазами цвета спелого крыжовника. – Вот, приехал в столицу поступать в институт. Не добрал одного балла, теперь надо возвращаться домой, а средства закончились. Не хватает на билет. У вас не найдется ста рублей?

– А как насчет того, чтобы поработать? – с усмешкой спросила Лена.

Терпеть не могла таких уличных «просителей» – они никогда не вызвали в ней ни малейшего сочувствия, лишь пренебрежение. Ясно же, ни в какой институт этот пройдоха и не думал поступать, просто-напросто «бомбит» на Арбате у простодушных и сердобольных дамочек, выколачивая под красивые глазки нехилые суммы.

На лице у парня отразилась глубокая скорбь.

– Мне нельзя работать, у меня больное сердце.

– Да ну? – Лена скептически оглядела его спортивную широкоплечую фигуру. – А по моему, на вас пахать можно. Посторонитесь, пожалуйста, дайте пройти.

Физиономия просителя моментально утратила доброжелательность, глаза сузились, в них появилась откровенная злость.

– Ну и катись ты...

– Что? – с угрозой переспросила Лена, делая шаг к парню.

– Ничего. – Тот исчез мгновенно, как и возник, словно провалился сквозь плиты тротуара. В воздухе остался едва уловимый запах мятной жвачки.

Лена сердито поджала губы. Вот хмырь, испортил и без того отвратительное настроение. Почему-то было до слез обидно – вот так, ни с того ни с сего, прямо на улице, любой может обозвать, унижить. Была бы помоложе да покрасивей, небось не сказали бы ей «катись»! Да и просили бы не денег, а совсем другого.

Во дворе Тамариного дома взъерошенный Вовка в компании двух замызганных пацанов увлеченно гонял футбольный мяч. Заметил подходящую Лену, он остановился, заулыбался.

– Здравствуйте, тетя Лен!

– Привет, Вовик. Как там родители, ждут меня?

Он слегка помрачнел.

– Не знаю. Они поругались, и папа уехал на дачу к дяде Боре.

– Вот те раз! – Лена растерянно развела руками. – Да что ж им в мире-то не живется!

Вовка неопределенно пожал плечами и поддел мяч носком кроссовки.

Лена зашла в темный подъезд, поднялась по ступенькам и нажала на кнопку звонка. Дверь тотчас распахнулась. Перед Леной предстала Томка. Вид у нее был воинственный, лицо, еще не остывшее от недавнего скандала, пылало, брови угрожающе сошлись на переносице.

– А, это ты? – Тамара посторонилась, пропуская Лену в квартиру. – А я думала, кровосос мой засовестился, вернулся. Нет, ну ты прикинь, откладывали деньги на новый диван, а он возьми и тайком потрать их, все, до копейки. И знаешь на что?

– На что? – машинально переспросила Лена, доставая из пакета мороженое.

– Плиткорез приобрел! Тьфу! – Тамара смачно плюнула и неожиданно улыбнулась. – Да черт с ним. Пусть режет им плитку, а то из-за нее в сортир толком не попасть. Может, ремонт закончим наконец.

– Хорошо бы, – со смехом заметила Лена и протянула брикеты. – Как договаривались. Боюсь только, без Жеки нам так много не освоить.

Тамара беспечно махнула рукой.

– Не переживай. Вовка вечером с улицы придет, доест.

Подруги прошли в тесную кухоньку, подоконники которой были сплошь заставлены цветами. Тамара достала из шкафчика блюдца, разложила в них мороженое, сунула Лене ложку.

– Питайся.

Затем, заговорщически подмигнув, достала из холодильника бутылку самодельной наливки.

– С самого утра выпить хочется, просто страсть как. Ты за?

Лена кивнула.

Они выпили по рюмке, потом еще и еще. Наливка была тягучая и сладкая, от нее быстро зашумело в голове, а ноги стали тяжелыми, точно на них навесили чугунные гири.

Разговор шел ни о чем, простой женский треп. Обсуждали шмотки, косметику, школьные успехи детей, жаловались на мужей – дескать, тем наплевать на все, кроме своей работы, делились вычитанными в журналах кулинарными рецептами.

Собственно, именно о таком времяпрепровождении и мечтала Лена, когда собиралась к Тамаре. За неспешной, ни к чему не обязывающей болтовней легко забыть о своих проблемах, расслабиться, отвлечься.

О музее обе не заикались. Лена ждала, что Томка, если ей что-нибудь известно, сама заведет беседу на эту тему, но та молчала.

Наконец Лена не выдержала:

– Ты звонила Семену Ильичу?

– Звонила. – Тамара опустила глаза.

– И что? – Лена почувствовала, как засосало под ложечкой.

– Плохо. Ответа пока нет, но ему ясно дали понять, что здание нам не удержать.

– Что же делать?

– Есть только один вариант – идти лично к владельцу той чертовой фирмы, которая на нас зарится. Им, оказывается, в муниципалитете предлагали еще два помещения на выбор, так нет! Уперлись, гады, особняк им подавай!

– Какой же толк к ним идти? – не поняла Лена.

– Как какой? Нужно убедить их не трогать музей. Показать что-нибудь из экспонатов, стихи феофановские почитать, в конце концов. Может, удастся хоть кого-нибудь разжалобить.

– Сомневаюсь, что бизнесменов тронут стихи Аполлинария, – с грустью проговорила Лена. – Равно как и картины и прочее. Но вообще-то выбора нет.

– Вот именно. – Тамара в очередной раз наполнила рюмки и соскребла с блюда остатки раскисшего мороженого.

– И кто пойдет? – поинтересовалась Лена. – Сам Семен Ильич?

Томка покачала головой:

– Нет, он отказывается. Говорит, сил больше нет. К нему сегодня ночью «Скорая» приезжала, гипертонический криз. Что ж ты хочешь, человеку давно на пенсию пора.

– Тогда, значит, мы с тобой, – подытожила Лена.

– Ну а кто, кроме нас? Баба Даша? – Томка залпом выпила наливку и поежилась: – Холодно чего-то. От форточки, что ли, тянет?

– Да ты что, – удивилась Лена, – наоборот, духота.

– А я говорю, холодно, – капризно повторила Томка и зябко повела голыми плечами, – пойдем в комнату.

День летел незаметно. Часов в семь Тамара позвала со двора Вовку, они поужинали втроем, а потом сели смотреть криминальный сериал. Жека все не возвращался, и Томка начала нервничать: ерзала на диване, то и дело поглядывала на часы.

– Да позвони ты ему, – посоветовала Лена, – чего нервы зря трепать?

– Не буду, – огрызнулась Томка, – пусть себе ночует у Борьки. Да хоть вообще не появляется.

– Мам! – Вовка скорчил страдальческую мину.

– Что «мам»? – вскипела Тамара. – Опять отца защищаешь? Яблоко от яблони недалеко падает! Надоели вы мне, паразиты несчастные! – Она вдруг затихла, приложила ладонь ко лбу.

– Ты чего? – заволновалась Лена.

– Худо. Голова болит.

– Это, наверное, от наливки.

– Может быть, – согласилась Тамара. Покосилась на угрюмо нахохлившегося Вовку, безнадежно махнула рукой: – Иди, звони своему папаше, так и быть.

Вовка, только того и ожидавший, весело ухмыльнулся и выскочил из комнаты, по пути щелкая кнопками мобильного.

Лена почувствовала, что пора уходить, и встала.

– Куда это ты? – слабым голосом проговорила Томка.

– Домой поеду. Уже одиннадцать.

– Зачем тебе домой? – удивилась та. – Оставайся ночевать.

– Нет, Томик, спасибо. У вас и без меня хлопот довольно.

– Какие там хлопоты? – Тамара широко и сладко зевнула. – Не валяй дурака, оставайся.
– Мам, папа едет! – радостно сообщил появившийся на пороге Вовка. – Он тебе передает, что просит прощения и будет минут через сорок.

– Вот видишь, тем более. – Лена решительно направилась в прихожую. Не хватает ей еще присутствовать при супружеском примирении. – Завтра утром я тебе позвоню. Ты знаешь координаты, по которым можно найти хозяев фирмы?

– Знаю.

– О'кей.

Лена надела пиджак, подкрасила губы перед зеркалом и, помахав на прощанье, скрылась за дверь.

На улице, несмотря на поздний час и темень, было все так же душно. Лене сразу же стало жарко в пиджаке. «Ну и где обещанное похолодание?» – усмехнулась она про себя.

Тут же, словно в ответ на этот вопрос, на лицо ей упала крупная прохладная капля, за ней другая.

Дождь начинался лениво, исподволь, но все-таки оправдывал прогнозы синоптиков. Лена раскрыла зонтик и быстро зашагала по едва освещенному редкими фонарями переулку.

Вокруг царило безлюдье, однако она не испытывала страха, возможно, потому, что часто возвращалась от Томки затемно именно этой дорогой и никогда ничего плохого с ней не случилось.

До поворота на Арбат оставалось совсем чуть-чуть, когда ее слух уловил слабый, приглушенный шум. Впереди, метрах в двадцати, смутно, еле различимо маячили, метались из стороны в сторону темные тени. До Лены донеслись обрывки хриплой матерной брани. «Драка», – догадалась она и поспешно перешла на другую сторону тротуара.

Ничего не оставалось, как идти мимо, стараясь остаться незамеченной. Лена уже отчетливо видела широкие спины дерущихся и различала несколько голосов, разных по тембру, но одинаково отвратительных и грубых, методично и равнодушно выкрикивающих грязные ругательства. Наконец она поравнялась с ними и невольно застыла на месте.

Собственно, дракой происходящее назвать было нельзя, скорее избиением. Трое дюжих, накачанных парней пинали ногами лежащего на асфальте человека. В темноте невозможно было разобрать, кто это, мужчина или женщина. Жертва вела себя тихо, не кричала, не звала на помощь, лишь пыталась прикрыть руками лицо от сыплющихся градом ударов.

Лена почувствовала, как перехватило дыхание от негодования и жалости, и, прежде чем успела осознать, что делает, громко крикнула:

– Прекратите сейчас же! Я вызову милицию!

Один из качков, здоровенный амбал под два метра, обернулся, с удивлением глянул на нее и строго произнес:

– Дуй отсюда, метелка, а то языкотрежем.

– Я правда вызову милицию, – пообещала Лена, стараясь унять противную дрожь в коленях, – тут неподалеку всегда дежурит патруль.

– Верно! Правильно! – неожиданно раздался за ее спиной пронзительный высокий голос. Лена вздрогнула и обернулась.

Позади стояла неизвестно откуда взявшаяся крохотная старушка в низко надвинутом на лоб платочке, длинном черном плаще и грозила бугаям корявым пальцем.

– Изверги, душегубы! Вы что творите? В Бога не веруете, нехристи!

Два других парня тоже перестали работать ногами и переглянулись. На их сонных, блестящих от пота и дождя лицах отразилось недоумение.

– Кнопка, че делать? Заткнуть их? – осведомился один из них у великана, который первым отреагировал на Лену.

Кнопка, очевидно бывший в компании за главного, задумчиво почесал затылок.

– Не, не надо. Еще поднимут хай. Тут правда менты поблизости.

– Тогда че, хилием?

– Ага. – Он напоследок ткнул ботинком лежащее перед ним обмякшее тело. – Короче, мотай на ус, Жонглер: чтобы через пятнадцать минут тебя отсюда ветром сдуло. Не то сделаем из тебя отбивную на косточке. Усек?

Ответа не последовало.

– Что, гад, язык проглотил? – Кнопка ударил сильнее.

– Ах ты, сволочь! – Старушка выхватила откуда-то из-за спины длинный, похожий на папиру зонтик и бесстрашно кинулась на верзилу. Тот коротко и гнусно заржал, сгреб в охапку приятелей и вразвалку потопал в темноту между домами. Шагов через десять он обернулся и повторил уже серьезно, с угрозой в голосе:

– Слышь, даем пятнадцать минут.

И вся троица скрылась из виду.

Лена и старушка приблизились к пострадавшему.

– Господи, да он и не шевелится. Поди, неживой. – Бабка суетливо перекрестилась и склонилась над неподвижной фигурой. – Сынок! Тебе плохо? Может, дохтура вызвать? Вот ироды окаянные! – Она повернулась к Лене: – Слепая я, дочка, ничего не вижу. Ты глянь, он дышит или нет?

Лена присела на корточки, прислушалась.

– Дышит.

– Ну слава тебе, господи. – Старуха снова перекрестилась.

Лежащий неожиданно зашевелился и поднял голову. Потом, неловко опираясь на локоть, сел и затравленно огляделся по сторонам. Лица его Лена по-прежнему толком разглядеть не могла, видела только, что он молодой, такой же, как те парни, что его били, или даже еще моложе.

– Можете подняться? – мягко спросила она.

– Могу. – Голос был тоже молодой, слегка глуховатый и почему-то смутно знакомый.

– Помочь?

– Не надо.

– Как же не надо? – тут же закудахтала старуха. – Помоги ему, дочка, конечно, помоги. Давай-ка вместе.

Вдвоем они подняли парня под руки и усадили на низенький парапет тротуара.

– Я вызову «Скорую». – Лена решительно достала мобильник.

– Не надо никакой «Скорой». Лучше дайте сигарету.

– Пожалуйста. – Лена пожала плечами, пытаясь вспомнить, где она могла слышать эту странную манеру едва уловимо растягивать слова. Так ничего и не вспомнив, протянула парню пачку сигарет, зажигалку. Раздался тихий щелчок, вспыхнуло пламя, выхватив из темноты совсем юное, с хитринкой лицо, ворот голубой рубашки, заляпанный кровью...

Господи, вот кто это! Недавний знакомый, «бедный абитуриент»! Ошибиться Лена не могла, память на лица у нее была отменной, просто феноменальной.

Парень спокойно курил, не глядя на Лену. Старушка, охая и вздыхая, ушла. Дождь закончился. Лена закрыла ставший ненужным зонтик, немного поколебалась, затем язвительно спросила:

– Ну что, собрал на билет?

– Че-го? – недоуменно протянул парень.

– Ну как же! Ты ж в Москву приехал в институт поступать, да вот беда, балла не добрал. Я и спрашиваю, много ли насобирал у тетенок?

– А вам что, жалко, что ли? – буркнул парень. Лена видела, что он ее не узнал, хотя понял, в чем дело.

– Если и жалко, то только тебя, дурака. – Она коротко вздохнула. – Кто же побирается в самом центре столице, да еще на Арбате? Тут везде свои зоны, их нарушать нельзя. Понял?

– Шли бы вы по своим делам, – грубо посоветовал «абитуриент». – За помощь, конечно, спасибо...

– И за сигарету, – добавила Лена.

– Угу. – Он кивнул и сплюнул себе под ноги.

– Счастливо оставаться. – Она решительно зашагала вперед. Дошла до поворота, остановилась, оглянулась. Парень так и сидел на парапете, кажется, не думая подниматься и уходить.

– Эй, – негромко окликнула Лена. – Ты глухой? Не слышал, тебе велели убираться отсюда, пока цел?

– Некуда убираться, – равнодушно проговорил «абитуриент».

– Как это некуда?

– Так. Меня сегодня утром с квартиры выперли.

– Опять врешь? – Она недоверчиво прищурилась.

– Не вру. – В его тоне за полным безразличием проскользнула усталость. Лена отчетливо уловила это и медленно двинулась обратно.

– Послушай, тебя как зовут?

– Какая разница? – Он хмуро, искоса глянул на нее. – Ну, Ден.

– Это по-каковски? – удивилась Лена.

– По-обыкновенному. Денис.

– Вот что, Денис. Поехали, переночуешь у меня. Выспишься, подлечим твои раны. А завтра, если получится, попытаюсь устроить тебя на работу. Идет?

Он молчал, будто бы и не слышал того, что говорила Лена. Она терпеливо ждала. В голове навязчиво стучала мысль: что, если когда-нибудь ее Ритка будет сидеть вот так, посреди ночи, одна в чужом городе? В Париже, например.

– Еще сигарету дадите?

– На, держи. – Лена отдала парню всю пачку. – И думай быстрее, а то я сейчас уйду и больше не вернусь.

Он наконец поглядел на нее более осмысленно, внимательно.

– Что, вы одна живете?

– Почему одна? У меня семья, муж, дети. Просто сейчас все в отъезде, квартира пустая.

– А... – протянул он неопределенно и одновременно будто уяснив для себя нечто важное. Выкинул окурок и не спеша встал. – Куда идти? Туда?

Они медленно доковыляли переулками до Нового Арбата. Парень шел с трудом, заметно прихрамывая, однако молчал, не жалуясь.

– Машину возьмем, – решила Лена. – На метро тебе не доехать.

Она подняла руку. Рядом тут же затормозила черная «Волга». Из открытого настежь окошка высунулся пожилой, лысый, как Фантомас, водитель и вопросительно глянул на Лену.

– В Измайлово довезете? – спросила та.

– Довезу. – Мужик с подозрением покосился на ее спутника. – Пьяный?

– Нет. Его избили.

– Ясно. – Шофер распахнул дверцу. – Ну, садитесь.

Лена запихнула парня на заднее сиденье, сама уселась рядом с Фантомасом. «Волга» газанула и понеслась по ночной Москве.

В водительское зеркальце Лена видела лицо «абитуриента» – он спал, уронив голову набок. Кажется, заснул тотчас, как машина тронулась с места.

– Сын? – сочувственно поинтересовался лысый, поймав ее взгляд.

Она молча кивнула и отвела глаза.

– Беда с этими детками, – со вздохом произнес шофер. – И чего им не хватает, скажи на милость? Вот мы в сорок пятом, после войны, босиком по улицам бегали, все как один безотцовщина, голодные, холодные. И ничего, никакой дури. Выросли, выучились, семьи завели. А нынешние и сыты, и обуты, баксы за них предки выкладывают, чтоб, значит, в теплое местечко устроить, – а они нюхают всякую гадость, колются, блудят. Срам один. – Водила вполголоса выругался, закурил и, не дождавшись ответа, с остервенением закрутил баранку.

Лена попыталась скинуть напряжение и неловкость и представить, каким окажется их с Томкой завтрашний поход к фирмачам. Нужно будет созвониться с ней пораньше утром, заодно попросить Женьку, чтобы тот взял к себе поработать незадачливого попрошайку – у них в конторе всегда полно вакансий типа курьера или экспедитора.

– ... Вот оно, Измайлово, – громко объявил лысый, так, что она вздрогнула от неожиданности. – Вам конкретно куда?

– Все время прямо, потом направо. Я покажу.

Автомобиль бесшумно подкатил к дому и затормозил у подъезда.

– Спасибо. – Лена протянула мужику деньги.

– Не за что, – тот улыбнулся в усы. – Будите своего сынка, авось больше не станет влипать в истории.

Она кивнула и выбралась из машины. Открыла заднюю дверку, осторожно тронула парня за плечо.

– Просыпайся, приехали.

Тот пробормотал что-то неразборчивое, лицо его скривилось от боли.

– Давай выходи, – Лена потянула его за руку, – слышишь, Ден, выходи!

Парень открыл глаза и ошалело взглянул на нее. Потом, вспомнив, видно, кто она такая, кивнул и начал вылезать.

– Осторожно, вот так. Теперь сюда. Ничего, еще немного. – Лена ловко довела его до подъезда, толкнула в лифт.

Щелкнул замок, вспыхнула лампа в прихожей.

– Ну вот и все. Пришли.

Теперь, при свете, Лена могла разглядеть своего гостя как следует. Вопреки ее ожиданию, выглядел он не так уж плачевно – руки-ноги целы, лицо почти не тронут, только разбитые губы припухли и кровоточат. Пожалуй, больше всего пострадала одежда: джинсы сплошь в черных следах от ботинок, рукав рубашки разорван, ткань выпачкана кровью.

– Ванная там, – Лена указала на дверь с непрозрачным, матовым стеклом. – Рубашку кинь в таз, я постираю. Пельмени будешь?

– Да.

Она подождала, пока он скроется за дверью, быстро прошла в кухню, поставила на плиту кастрюлю с водой. Забежала в спальню, сняла костюм, хотела было накинуть халатик, но застеснялась. Натянула старенькие джинсы и свободную трикотажную майку, подколола волосы. Затем вытащила из шкафа комплект чистого белья, отнесла его в гостиную и положила на диван.

Кажется, все.

Лена вернулась на кухню, вынула из морозилки пачку пельменей, запустила их в кипящую воду. Села за стол и глянула на часы: четверть первого. Встать завтра нужно не позже восьми, а лучше раньше: результативней всего будет посетить этих паразитов в первой половине дня, до обеда, а то мало ли какие мероприятия назначены у них на потом.

Щелкнула задвижка ванной. В коридоре послышались мягкие шаги. Лена встрепенулась, встала.

– Ну как ты, в порядке?

– Ничего. – Ее протезе стоял на пороге кухни, голый по пояс. Отмытое лицо порозовело, глаза слегка ожили и смотрели на Лену с откровенным любопытством.

– Замечательно. Садись ужинать.

Она поставила перед ним тарелку с пельменями, хлеб, сметану. Включила чайник, села за противоположный конец стола, искоса, незаметно наблюдая за тем, как он ест.

Красивый мальчишка, если говорить начистоту. Лицо открытое, что называется, «рекламное», с правильными, четкими чертами – такое прямо просится в телевизор, в ролик о чипсах или жвачке. Волосы густые, русые, с рыжеватым отливом. И сложен отлично, крепкий, плечистый. Ритка наверняка была бы от него без ума, она обожает таких красавчиков. Вот только никто из них подолгу рядом с ней не задерживается, максимум неделя— другая, и кавалер куда-то исчезает без следа, а на смену ему возникает следующий.

Лена попыталась определить, сколько парню лет. Похоже, не больше восемнадцати. Он, конечно, вправду не москвич, речь выдает его с головой. Но и на бродягу со стажем не похож – слишком чистенький, «домашний». Значит, где-то есть семья, родители. Как же они его отпустили на такие «заработки»?

А может, она ошибается, и никого нет. Что она о нем знает? Ровным счетом ничего. Пожалела, как котенка бездомного, хотя, пожалуй, жалости он не стоит.

«Абитуриент» тем временем лихо подчистил тарелку, несмотря на то, что разбитая губа мешала ему жевать.

– Добавки хочешь? – Лена снисходительно улыбнулась.

– Хочу.

Она выудила из кастрюли несколько оставшихся пельменей.

– Ешь. Сейчас сделаю тебе кофе.

– Я не пью кофе. Только чай.

– Как знаешь. – Лена пожала плечами.

Парень выпил чай и встал из-за стола.

– Там в гостиной на диване белье: простыня, наволочка, пододеяльник. Стели и ложись.

Понял?

Он кивнул. Немного помедлил, словно собираясь задать какой-то вопрос, а потом вышел из кухни.

Лена пошире открыла форточку, собрала со стола грязную посуду, отнесла ее в мойку, включила кран на полную мощность.

Отчего-то вдруг ее настроение резко упало. Она была почти уверена, что завтра у них с Тамарой ничего не выйдет, и тогда музей ожидает крах. А книга так и не написана, и, видимо, Лена никогда не допишет ее до конца...

Она принялась старательно намыливать чашку, будто это было наиважнейшим занятием в ее жизни.

Позади тихо скрипнула дверь. Лена чуть ослабила напор воды и обернулась.

Денис стоял прямо напротив нее, по-кошачьи зеленые глаза смотрели на нее в упор.

– Ты что? – Она ощутила странную неловкость и тревогу. – Тебе чего-нибудь нужно?

Он мотнул головой, продолжая выжидающе разглядывать ее.

– Нет, ничего.

– Тогда иди спать.

– Ага. – Он повернулся, сделал шаг к двери. Потом остановился, сунул руки в карманы джинсов. – Я... не понял чего-то. Мы трахаться будем или как?

– Что?! – Скользя, покрытая пеной чашка выскочила из рук и с отчаянным звоном треснула об пол, но не разбилась, а стремительно откатилась за ножку стола.

Лена застыла, с ужасом глядя на спокойную смазливую физиономию своего «постояльца».

– Я говорю, трахаться когда будем? – повторил тот будничным, равнодушным тоном. – Если сейчас, то давайте быстрее, а то спать охота.

– Да ты... да как ты смеешь! – Лена замахнулась, но вовремя удержалась, опустила руку, представив, как от удара брызнет кровь из разбитых губ. Ее трясло, точно она взялась пальцами за оголенный провод. – Сволочь, сопляк! Я тебе в матери гожусь, гаденыш ты этакий!

– Подумаешь, – он небрежно пожал плечами, – у меня были тетки и постарше. Ты еще очень даже ничего, лицо в норме и фигура.

– Еще мне «потыкай»! – Лена резким рывком крутанула кран. В кухне воцарилась зловещая тишина.

Она стояла и смотрела на его мускулистый торс, подчеркнутую линию скул, и ее передегивало от презрения к самой себе. Вот оно что! Вот кого она притащила к себе в квартиру. Теперь было ясно, о чем он раздумывал, прежде чем согласиться поехать к ней ночевать, – оценивал возможную выгоду, прикидывал, стоит ли связываться.

– Альфонс, – проговорила Лена тихо и обречено.

– Чего? – На лице парня отразилась обида. – Не хотите трахаться – дело хозяйское, а оскорблять-то зачем?

Она грустно усмехнулась.

– Это не оскорбление вовсе. Книжки надо читать.

– Да пошли вы со своими книжками... – Он махнул рукой и лениво поплелся к двери.

– погоди, – попросила Лена.

– Ну чего еще?

– Я правда хотела, чтобы ты здесь переночевал. А потом нашла бы тебе работу.

– Просто так? – Денис недобро сощурился.

– Просто так.

– Хорош заливать. Все так говорят. Поначалу. – Он презрительно ухмыльнулся и вышел.

Лена так и осталась стоять возле раковины, держа на отлете мокрые мыльные руки. На глазах закипали слезы бессилия и унижения.

До чего она докатилась. Привела домой мальчика по вызову. Наивная, глупая, идиотка, старая дура! И главное... этот паразит Ден не так уж неправ, говоря, что она такая же, как все его дамочки. Можно сколь угодно делать хорошую мину при плохой игре, но от самой себя правды не утаишь: не далее как десять минут назад она разглядывала парня с тайным вождением, любовалась им именно как мужчиной, а никак не ребенком, попавшим в трудную ситуацию и нуждающимся в помощи...

Ее привел в чувство звук капающей из крана воды. Лена тяжело вздохнула, нагнулась, подняла с полу чашку, вымыла ее, сунула в сушилку. Потом тщательно протерла мойку, убрала банку растворимого кофе и сахарницу. Села за стол и закурила, глядя в темное окно.

На нее наваливалось черное отчаяние. Все не так, все плохо, скверно, хуже некуда! Никто ее не понимает и никогда не поймет, она запуталась в этой жизни, потеряла ниточку, блуждает в потемках. Все идеалы, ценности рушатся, впереди полная пустота и тоска...

Она не заметила, сколько прошло времени. Сигарета давно погасла, Лена так и продолжала сжимать пальцами потемневший сморщенный окурочок. Из крана по-прежнему равномерно и заунывно капала вода, громко тикали круглые настенные часы. Стрелки показывали пять минут второго.

Спать совершенно не хотелось. Не хотелось вообще ничего, только сидеть вот так, в оцепенении, с пустой головой, без мыслей и движений.

Все же Лена заставила себя подняться, с трудом дотащила до ванной, смыла раскисший за день макияж. Машинально заглянула в таз – тот был пуст. Лена подняла глаза: голубая рубашка, уже выстиранная, криво висела на бельевой веревке, с рукавов ручейками стекала

вода. Лена сняла ее, отжала досуха, надела на плечики и повесила обратно. Затем погасила свет в ванной, в коридоре и пошла в спальню.

По пути она краем глаза заглянула в гостиную – там было темно и тихо. «Только бы дожждаться утра, – успокоенно подумала Лена, – а там я вытурю этого паршивца к чертовой бабушке. Обойдется и без Жекиной работы».

Она улеглась в постель, зажгла ночник, попробовала читать, однако строчки прыгали перед глазами, сливаясь в неразборчивую абракадабру. Лена решительно отложила журнал на тумбочку, щелкнула выключателем и, повернувшись на бок, прилежно зажмурилась.

Сон не шел. В голову настойчиво лезли всякие мысли: о Викторе, о девчонках, о Феофанове. На грудь что-то тупо давило, мешая дышать, виски и затылок ныли от нестерпимой боли. Лена почувствовала, что больше не в силах сдерживаться, и разрыдалась, тихо и безутешно, уткнув лицо в подушку. Она давно не плакала вот так, всласть, не таясь и не опасаясь, что ее увидят дочери и муж. Слезы текли по щекам, губам было едко и солоно, в носу щекотало.

Постепенно приходило долгожданное облегчение. Еще немного – и Лена уже просто всхлипывала, обняв руками влажную подушку, ощущая спасительное, как наркоз, оцепение и сонливость. Она потихоньку расцепила пальцы, осторожно, стараясь не спугнуть свое состояние, перевернулась на спину и вздрогнула: в дверях маячил темный силуэт.

– Ты? – охрипшим голосом прошептала Лена. – Что тебе надо? Убирайся сейчас же!

Вместо ответа парень крадучись прошел по комнате и остановился рядом с ее кроватью.

– Убирайся, – повторила Лена с ненавистью, облизывая соленые, высохшие губы.

– Слушай, ты это... не сердись. Я знаю что подумал... – Он присел на корточки перед ее лицом. – Давай все-таки трахнемся. А то не спится как-то.

Лена отчетливо и близко видела его глаза, уловила теплое дыхание с привкусом мяты. Ей показалось, что кровать неожиданно потеряла опору и летит куда-то в пустоту, в невесомость, а с ней и она сама.

– Убирайся. – Она хотела сказать это в третий раз, громко и грозно, чтобы одним махом прогнать наваждение, но губы не послушались, лишь беззвучно и слабо шевельнулись. И тут же чужое тело, молодое, горячее, одержимое неумным желанием, словно примагнитилось к ней, будоража, зажигая ответной ненасытностью и страстью. Мягкие, ласковые руки коснулись лица, дружеским, понимающим жестом отерли с него влагу – и тогда ей стало все равно. Она словно со стороны услышала свой стон, полный истомы и нетерпения.

Господи, как давно никто не обнимал ее так, не целовал до головокружения, до сладкой боли, до потери сознания! Это было то, о чем Лена стыдливо и тайно мечтала на протяжении последних лет, – нет, даже не смела мечтать, смирившись с одиночеством и душевной пустотой. Безумие, бесстыдство, огненный накал эмоций, словно ей снова восемнадцать, а впереди вся жизнь...

Глава 3

Она думала, что не сможет спать, но неожиданно уснула, глубоко, крепко, без сновидений. Пробуждение было внезапным и шокирующим.

Первые несколько минут Лена ничего не помнила, сознание того, что произошло, не тревожило ее. Она лежала и щурилась от пробивающегося сквозь жалюзи яркого утреннего света.

Потом мгновенно и разом на нее наступила действительность. В глаза бросилась скомканная простыня, небрежно свисающая с кровати, валяющаяся на полу ее ночнушка, слетевший с тумбочки журнал.

Лену точно ужалили. Она с замиранием сердца повернула голову вбок, туда, откуда отчетливо слышалось ровное, сонное дыхание. Ч у ж о е дыхание чужого, незнакомого человека, которого она, ни мгновение не поколебавшись, впустила в свою супружескую постель.

Парень мирно спал, натянув на голову одеяло. Лена, воровато озираясь, бесшумно выскользнула из кровати, сгребла со стула свои вещи, моля об одном – чтобы ее визитер не проснулся и не застал ее в таком виде, нагишом посреди комнаты. Однако тот даже не пошевелился.

Лена пулей вылетела из спальни, прошмыгнула в ванну, грохнула задвижкой и облегченно перевела дух.

Прямо перед ее носом покачивалась на вешалке рубашка, уже совершенно сухая, со слегка замявшимся воротником. Лена с ожесточением сдернула «плечики» с веревки, встала в ванную, на всю катушку включила холодную воду и направила себе в лицо. От тугих ледяных струй коже стало больно, но Лена продолжала крепко сжимать рукоятку душа. «Так тебе, идиотка, и надо, чтобы протрезветь!» Она с наслаждением произносила бранные, оскорбительные слова в свой адрес. Если бы это было возможно, она, не задумываясь, плюнула бы в собственную физиономию.

Ужас, кошмар! Видел бы ее Виктор! Он и подумать не мог, что его жена способна на подобные «подвиги»...

От прохладного душа стала немного легче. Лена закрыла кран, растерла замерзшее тело полотенцем, оделась. Ступая на цыпочках, прошла в кухню, достала утюг и аккуратно разгладила злополучную рубашку. Выкурила сигарету. Затем вернулась в спальню и села в кресло, напряженно глядя на постель.

Ждать пришлось недолго: под ее взглядом ночной гость сначала заворочался, потом глубоко вздохнул и, наконец, открыл глаза.

– Доброе утро. – На его лице не выразилось ровным счетом ничего – ни удивления, ни отвращения, ни радости, лишь спокойствие и полная безмятежность.

– Доброе, – сухо проговорила Лена. – Твоя рубашка на кухне. Вставай и катись отсюда как можно быстрее.

– А чаю можно выпить?

– Обойдешься без чая, – отрезала она.

– Ясно. – Денис безо всякого огорчения кивнул и встал, накиннув на плечи простыню.

Лена дождалась, пока он выйдет из комнаты, и снова закурила. Ее опять, как накануне, начинало трясти.

Минут через пять Денис вернулся, полностью одетый и даже причесанный, аккуратно, волосок к волоску.

– Ладно, я пошел, привет. Если чего не понравилось, прости, не сердись. – В его глазах мелькнула лукавая усмешка. Он помахал Лене и скрылся в прихожей. Громко хлопнула входная дверь.

Лена в изнеможении откинулась на спинку кресла. Если б можно было повернуть время вспять! Тогда она ни за что бы не поперлась домой на ночь глядя, а осталась бы у Томки, и все бы было в порядке. А теперь... впору повеситься от стыда.

Лена зажмурилась, пытаясь прогнать воспоминания о минувшей ночи, в ярких красках засевшие в мозгу. Нет, она не станет думать об этом! Просто забудет как страшный сон, навязание. Виктор ни о чем не узнает, и никто другой, даже Томка.

Лена поднялась, сняла с постели белье, все, до последней наволочки, скомкала его и отнесла в стиральную машину, добавив туда комплект из гостиной. Потом застелила кровать заново, накинула покрывало, поправила ночник, стоящий на тумбочке.

Внезапно ее охватил страх, что парень мог оказаться не только специалистом по секс-услугам, но и банальным воришкой. Она почти бегом вернулась в гостиную, один за другим выдвинула ящики в стенке, где хранились деньги и ценности. Все оказалось на месте.

Лена задвинула ящики, медленно подошла к дивану, остановилась в задумчивости. На ковре возле ножки лежала распечатанная пачка жвачки – все, что осталось от ее случайного любовника. Лена подняла ее, подержала в руке, потом отнесла на кухню и выкинула в ведро.

Вот так, и никаких улик.

Она вдруг вспомнила, что собиралась идти с Тamarой к владельцу фирмы, покусившейся на музей. Почему-то сейчас вчерашние планы показались далекими и напрочь позабытыми. Она с трудом заставила себя подойти к телефону и набрала номер подруги.

– Слушаю, – пробасил в трубку Жека.

– Жень, здорово, позови, пожалуйста, Тому.

– Ленка, она заболела.

– Как заболела? – не поверила она.

– Так. Тридцать девять и четыре. Горло. Говорит, мороженого вчера переела.

– Елки-палки, – расстроилась Лена. – А кто же пойдет к бизнесменам?

– Вот ты и иди, – посоветовал Жека. – Томка еще дней пять будет никакая, так что дожидаться ее смысла нет. Я так понимаю, вам нужно спешить.

– Правильно понимаешь. – Лена раскрыла записную книжку, взяла с полочки ручку. – Супруга твоя говорить может?

– Слегка.

– Спроси у нее, куда нужно ехать. А заодно имя-отчество директора.

– Будет исполнено, – пообещал Жека и удалился.

Лена терпеливо ждала, пока он вернется. Наконец в трубке послышался треск.

– Ленок, ты тут?

– Да.

– Ехать нужно на Пушкинскую, там у них офис. Спросишь Костомарова Игоря Васильевича. Это генеральный директор. Если его не будет, тогда топай к Серафимову Павлу Андреевичу, он его заместитель. Записывай адрес – Петровка, двенадцать.

– Поняла, – Лена быстро черкнула на листке, – спасибо тебе. Томке привет, и пусть поправляется побыстрее.

– Передам. Чао.

Лена опустила трубку на рычаг и пошла завтракать.

Поначалу она хотела ограничиться чашкой кофе и тостом, но неожиданно в ней проснулся аппетит, что раньше бывало редкостью. Лена приготовила себе яичницу, сделала пару бутербродов с сыром, с удовольствием уничтожила и то и другое. Затем выпила крепкого кофе и пошла собираться.

Перед тем как краситься, она мельком глянула на себя в зеркало. Помимо морщинок, под глазами виднелись еще и синяки от почти бессонной ночи и слез.

«Красавица», – мрачно констатировала Лена и с невольным любопытством подумала о своем госте – неужели ему абсолютно все равно, с кем ложиться в постель? Или для него главное, чтобы женщина была кредитоспособна?

Интересно, что он не поделил с прежней пассией, отчего она вдруг его выгнала вон? В сексуально-постельных способностях ему не окажешь, они у него просто супер. С такими легче легкого быть любимчиком у женского пола.

Что же тогда? Слишком много тратил? Или, что вернее всего, изменял?

Лена сердито закусила губу. О чем она думает? Какие пакости ее интересуют! Не хватало еще пожалеть об этом развратном, лживом мальчишке, почти ровеснике ее дочери.

Она быстро привела в порядок лицо, оделась, сунула в сумку альбом с музейными фотографиями и покинула квартиру.

Видно, ночью шел приличный ливень, которого Лена не слышала, – тротуар пестрел веселыми лужами, переливающимися под солнцем всеми цветами радуги. Несмотря на это, в воздухе снова висела изматывающая духота.

«Как в Африке! – с досадой подумала Лена. – И Виктор до сих пор не позвонил».

– Девушка, не подскажите, который час? – Симпатичный моложавый брюнет в темных очках с явным интересом уставился ей в лицо.

– Одиннадцать.

– А что такая сердитая? – мужчина улыбнулся.

Она пожала плечами.

– Вам какая разница?

– Может, я познакомиться хочу. – Брюнет снял очки и игриво подмигнул.

– Я на улице не знакомлюсь, – ледяным тоном проговорила Лена и прибавила шаг.

Надо же, слон в зоопарке сдох! Кажется, у нее появились поклонники. Сто лет никто не клеился к ней на улице и не называл ее «девушкой».

Брюнет минут пять тащился позади, выдавая пошлые комплименты, потом отстал. Лена зашла в метро.

Ей неожиданно стало весело, она почувствовала злость и азарт. Черт возьми, почему нужно являться к этим деловым господам жалкой просительницей, униженно вымаливающей о снисхождении? Чем их фирма значимей музея? Только наличием банковского счета. Но не деньги же решают все на свете, есть кое-что поважней. Лена сумеет доказать это руководству фирмы, и пусть только попробуют ее не выслушать!

Подогревая себя таким образом, она едва дождалась нужной станции, легкой, пружинистой походкой одолела переход на другую ветку, доехала до места и бодро зашагала в сторону Петровки.

Вот он, дом двенадцать. Глухой забор украшала металлическая табличка с надписью «ООО «Вегас». Ворота оказались заперты. Сбоку поблескивала кнопка электрического звонка. Лена нажала на нее и стала ждать.

Через минуту появился дюжий охранник, неприязненно оглядел ее в узкую приоткрытую щелку и спросил густым баритоном:

– Вы к кому?

– Я к Игорю Васильевичу Костомарову.

– Игорь Васильевич вчера утром улетел в Хургаду.

– Тогда мне нужен его заместитель, Павел Андреевич Серафимов.

– Павел Андреевич на месте. А вы сама кто будете?

– Я сотрудник музея Феофанова, Яновская Елена Владимировна. Мне нужно поговорить с вашим начальством.

– Ладно, заходите. – Охранник пропустил Лену через калитку, провел по чистенькой асфальтированной дорожке к старинному зданию, снаружи очень похожему на феофановский особняк.

Внутри, однако, все было совершенно иным: выбеленные потолки, идеально отштукатуренные и окрашенные стены, под ногами дорогой ламинат. Над головой ослепительно сияла гигантская хрустальная люстра.

«Да, вряд ли хозяйева такой роскоши поверят моему заявлению, что деньги не главное в этой жизни», – с горечью подумала Лена, оглядывая шикарный холл с цветными витражами на окнах.

– Посидите здесь, – охранник кивнул на кожаный диван, примостившийся под замысловатой белоснежной аркой. – Я спрошу у секретаря, сможет ли Павел Андреевич вас принять. – Он скрылся за широкими дубовыми дверями с бронзовыми ручками.

Лена присела на диван, стараясь держаться как можно спокойнее и уверенней. Мысленно она уже приготовила целое множество аргументов в защиту музея, и ей не терпелось оказаться со своим противником с глазу на глаз.

Прошло минут пять, а то и больше. Охранник все не возвращался, и Лена помимо воли начала нервничать. А вдруг этот Серафимов откажется беседовать с ней, сошлется на неотложные дела, встречи? Что тогда – приходите завтра или послезавтра?

Лена, не выдержав, поднялась с дивана и принялась прохаживаться по холлу взад-вперед. Блестящий паркет тихонько поскрипывал у нее под ногами. Откуда-то издали слышались женские голоса, что-то мирно обсуждающие.

Наконец дверь распахнулась, на пороге показался охранник.

– Идите. Павел Андреевич вас ждет.

Лена не торопясь прошла в просторную, светлую приемную. Там сидела молоденькая белокурая секретарша и аккуратно счищала шкурку с румяного яблока тонким, остро оточенным ножиком.

– Здравствуйте, – приветливо поздоровалась девушка. – Это вы из музея?

– Я.

– Проходите, пожалуйста.

В кабинете царил жуткий беспорядок. На полу громоздились картонные коробки, доверху заполненные бухгалтерскими папками, створки шкафов были распахнуты, у стены примостился огромный кофр на колесиках. Посреди этого хаоса стоял черный офисный стол, за ним вольготно расположился смуглолицый, крепкий мужчина лет сорока в безукоризненно белой рубашке и галстуке. Позади него, на спинке кресла, висел серый в мелкую клетку пиджак.

– Добрый день, – приятным тенором произнес он. – Прошу садиться.

– Благодарю вас. – Лена опустилась на мягкий стул около стола.

Серафимов смерил ее пристальным взглядом и слегка ослабил узел галстука.

– Итак, слушаю вас. О чем вы хотели поговорить?

– Конечно, о музее. – Она сдержанно улыбнулась.

Замдиректора тоже улыбнулся ей в ответ, обнажив множество блестящих коронок.

– Ну что ж. Не будем валять дурачку, раскроем карты. Я так понимаю, вы пришли уговаривать меня отказаться от помещения?

– Вы правильно понимаете. – Лена расстегнула сумочку, достала из нее фотоальбом, положила на стол перед смуглолицым. – Вот, посмотрите.

– Что это? – Мужчина пошарил в кармане пиджака и, вытащив очки в тонкой золотой оправе, водрузил их на переносицу.

– Это фотографии экспонатов. Макеты парусников, сконструированные Феофановым, уникальные часы – барометр, картины.

– Любопытно. Дайте-ка сюда. – Серафимов взял альбом, бегло пролистал его, задержавшись взглядом на нескольких страницах, и решительно захлопнул его. – Потрясающе интересно.

– Это ирония? – упавшим голосом спросила Лена.

– Да что вы, бог с вами! Я и не думал иронизировать. – Серафимов снова расплылся в ослепительной металлической улыбке. – Экспонаты действительно уникальные, есть на что посмотреть.

– Тогда вы должны понимать, что музей разорвать нельзя. Ведь это национальное достояние, наследие, доставшееся нам от одаренных предшественников. Народное богатство.

– Милая... простите, позабыл ваше имя-отчество...

– Елена Владимировна.

– Уважаемая Елена Владимировна! Я все прекрасно понимаю. И о национальном достоянии, и о великих соплеменниках вы все верно говорите. Но нам позарез необходимо помещение в вашем районе. Вот, видите, – Серафимов обвел руками захламленную комнату, – мы в буквальном смысле слова сидим на чемоданах. Фирма расширяется, уже открыт и зарегистрирован филиал. Сотрудники не могут приступить к работе, теряют трудовни, а время, как известно, деньги, то есть такое же богатство, как и ваши великолепные картины и парусники.

– Но разве нельзя найти другое помещение? – недоуменно проговорила Лена. – Почему свет клином сошелся на феофановском особняке?

– Тут много обстоятельств. – Серафимов вытянул перед ее лицом широкую лопатообразную ладонь, покрытую с тыльной стороны темными курчавыми волосами, и принялся один за другим загибать пальцы. – Во-первых, замечательное месторасположение, почти рядом с метро. Во-вторых, мы отдаем предпочтение старинным зданиям, это, так сказать, часть нашего имиджа. В-третьих, нас устраивает цена аренды в Госкомимуществе. В-четвертых...

– Подождите, – перебила его Лена. – Если на то пошло, я согласна сама подыскать вам нужное помещение в нашем районе. Оно будет достаточно древним, близко к метро, и цену найдем приличную.

– Сколько ж вы будете искать? – засмеялся Серафимов.

– Столько, сколько надо.

– Нет, Елена Владимировна, так не пойдет, – он решительно протянул ей альбом с фотографиями, – мы не можем ждать. Сейчас придет разрешение из мэрии, и все, как говорится, финита ля комедия.

– Это ваше последнее слово? – Лена посмотрела на Серафимова в упор, не скрывая ненависти и презрения.

– Так точно.

– А ваш шеф не распорядится иначе?

– Мой шеф отбыл в солнечный Египет, любоваться древними пирамидами, поэтому распоряжаюсь тут я и только я. – Серафимов пристукнул ладонью по столу. Тон его неуловимо и мгновенно изменился, в нем ни следа не осталось от приветливой мягкости и дружелюбия. Теперь перед Леной сидел холодный и расчетливый делец, из всех аргументов признающий лишь сухую логику фактов, чуждый сантиментов.

Лена поняла, что их с Тamarой план потерпел крах.

– Хорошо, Павел Андреевич. – Она не торопясь, с достоинством встала. – Бог вам судья. Надеюсь, на новом месте ваш бизнес в гору не пойдет.

– Вы мне угрожаете? – Брови Серафимова поползли вверх.

– Разве таким, как вы, можно угрожать? – усмехнулась Лена. – Просто предсказываю как частное лицо. И как женщина.

– А женщина, кстати, вы очень впечатляющая, – неожиданно проговорил Серафимов и, сняв с носа очки, промокнул платком лоснящееся лицо.

- Спасибо за комплимент, – едко сказала Лена, направляясь к дверям.
- Пожалуйста. И попрошу не обижаться на меня, я лишь выполняю свой долг перед управляемой мною фирмой.
- Лена обернулась и кинула на Серафимова уничтожающий взгляд.
- Какая вам разница, обижусь я на вас или нет?
- Огромная. – Он неловко вытащил из-за стола грузное тело и поспешил к ней. – Я же понимаю, что, по сути, лишаю вас работы. Ведь так?
- Разумеется. – Лене было невыносимо противно глядеть на его самоуверенную физиономию – до тошноты, до спазма в горле. – Всего доброго. Я пойду.
- Подождите. – Серафимов приблизился к ней вплотную. – Я могу компенсировать причиненный вам ущерб.
- Каким образом?
- Устроить вас к себе в офис. Заняты вы будете столько же, сколько в музее, а получать станете в три раза больше. Годится?
- Нет.
- Почему? – искренне удивился Серафимов.
- Я – искусствовед, а у вас фирма по продажам. На какую должность вы меня приглашаете?
- Для начала на секретарскую. Вы же владеете языком?
- Да, и неплохо.
- Ну вот. А там видно будет. – Темные глаза Серафимова масляно блеснули и скозились в вырез ее блузки.
- Большое спасибо, Павел Андреевич, но я найду себе работу по специальности. – Лена стремительно прошагала к двери и вышла из кабинета.
- Девушка-секретарь уже доела яблоко и теперь деловито очищала банан.
- «Как мартышка в зоопарке!» – в сердцах подумала Лена и, не попрощавшись с девицей, покинула приемную.
- Охранник со скучающим видом прохаживался возле крыльца.
- Уже поговорили? – Кажется, он был удивлен, что визит оказался таким кратким.
- Поговорили, – буркнула она сквозь зубы.
- Парень вывел ее на улицу и плотно прикрыл калитку.
- «Вот и все, – сама себе сказала Лена. – А чего я, собственно, хотела? Пора распрощаться с наивностью, возраст давно уже не тот».
- Она вспомнила, как когда-то в юности называл ее Виктор – «моя романтическая Елена». Похоже, эта романтика подводит ее во всем, начиная со встречи в арбатском переулке и заканчивая надеждой на то, что ей удастся переубедить таких воротил, как Серафимов.
- «К черту все! – решила Лена. – Поеду домой. Будь что будет, я не Дон Кихот, чтобы бороться с ветряными мельницами».
- Дома надрывался телефон. Лена едва успела отомкнуть дверь и схватила трубку.
- Леся, это я.
- Да, Витя, привет. Как доехал?
- Прекрасно. Уже в гостинице, звоню прямо из номера. Как у вас там, жарко?
- Ужасно.
- А тут красота. Прохладно, из окна Финский залив видно. Завтра начинаем репетировать.
- Что ж, я рада за тебя. – Лена почувствовала, что тон получается фальшивым, но ничего не могла с собой поделать, и замолчала.
- Леся, ты где? – позвал в трубку Виктор.
- Я здесь.

– Почему молчишь?

– Жду, что ты мне скажешь.

– Что я могу сказать? Срочно бросай все, бери билет и приезжай.

«Может, действительно приехать?» – мелькнуло в голове. И тут же, словно со стороны, она услышала свой голос, ровный и холодный:

– Нет.

– Почему «нет»? – вспыхнул Виктор. – Какой тебе резон торчать в этом пекле, одной, без работы, без детей? Что за сумасбродство?

– Я тебе уже говорила, – спокойно, не меняя интонации, проговорила Лена.

– Книга? Ну брось, ей-богу! Допишешь потом, в сентябре или, на худой конец, в октябре.

– Витя, мне нужно сделать это сейчас.

– Ладно, Леся, как знаешь. Девочки звонили?

– Да. У них все в порядке.

– Я в этом и не сомневался. Запиши телефон гостиницы. Если захочешь, можешь позвонить.

– Слушаю. – Лена быстро нацарапала цифры на листке бумаги.

– Есть?

– Да.

– Тогда пока. – Виктор, не дождавшись ответной реплики, повесил трубку.

Лена аккуратно сложила листок, спрятала его в записную книжку и отправилась в гостиную смотреть телевизор.

Глава 4

В последующие два дня она честно пыталась снова засесть за компьютер. Отчасти ее упорство было вознаграждено – ей удалось продвинуться на четыре страницы. Перечитав свое творчество несколько раз, Лена пришла к выводу, что написанное можно оставить, хотя особого восторга оно не вызывало. «Если я и впредь буду работать с такой скоростью, то мне не закончить не только до осени, но и к зиме», – подумала она с грустью.

На третий день утром позвонила Ритка.

– Мамуль, ты сейчас свободна?

– Относительно, – осторожно проговорила Лена, – а что?

– Ничего особенного. Просто, когда освободишься, купи, пожалуйста, нам с Валюхой гетры на руки.

– На руки? – удивилась Лена. – Ты не ошибаешься? Гетры, насколько я знаю, носят на ногах.

– Ма, ты безнадежно отстала от жизни. Это раньше носили на ногах, а теперь модно на руках. Съезди на рынок, они там дешевле.

– Может быть, вы сами съездите? – не очень уверенно предложила Лена. – Вернетесь из лагеря, и тогда...

– Ну, мам, что тебе стоит? – заныла Ритка. – Пока еще мы вернемся! А так будет сюрприз. Пожалуйста!

– Но я даже не знаю, какую вам надо расцветку! Вдруг куплю и не понравится?

– Ну чего тут можно не знать? Мне в голубых тонах, Валентине в розовых.

– Ладно, – сдалась Лена. – Сегодня и съезжу. Как там у вас вообще?

– Все хоккеей. Валюха, правда, расстраивается, Гришаня ей изменяет с другой.

– Видишь, – огорчилась Лена. – Я же говорила!

– Ничего, – назидательно произнесла Ритка. – Пусть приучается, постигает суровую правду жизни. Крепче будет.

– Такой, как ты, она не будет никогда, – со вздохом сказал Лена.

– Увидим, – пообещала Ритка и нажала на отбой.

Лена попытала над книгой часа три, кое-как закончила главу, перешла к следующей. Спихватилась она только к обеду. Ехать на рынок было поздновато, обычно торговцы уже начинали собирать товар. Однако Лена решила рискнуть, благо торговый комплекс находился совсем рядом, под боком.

Ей повезло: гетры лежали на первом же прилавке, к которому она подошла. Цветов было великое множество, в том числе и заказанные Риткой голубой и розовый.

Лена взяла дочкам по две пары, уточнив на всякий пожарный, что гетры действительно предназначены не для ног, а для рук, и с сознанием выполненного долга отправилась домой. По дороге она заглянула в магазин, накупила всякой всячины, намереваясь работать допоздна и баловать себя вкусными вещами.

Шагая по асфальтовой дорожке вдоль дома, Лена, по обыкновению, обдумывала очередной абзац. Получалось совсем неплохо, ей не терпелось побыстрее добраться до квартиры, разгрузить сумки и сесть за компьютер.

Сзади внезапно послышался визг тормозов. Она оглянулась и увидела такси, желтое, с черными шашечками и рекламным щитком на крыше. Оно промчалось мимо и остановилось у ее подъезда. Из открывшейся дверцы вылезла до боли знакомая высокая фигура. Лена застыла на месте, машинально сжимая пальцами тонкие ручки пакетов.

Денис уже шел к ней, на губах играла лучезарная улыбка.

– Привет, – поздоровался он как ни в чем не бывало.

- Ты что тут забыл? – резко проговорила Лена. – Кто тебе разрешил сюда таскаться?
- Никто, – согласился Денис.
- Вот и мотай, откуда приехал.
- Не получится. Раньше нужно с шефом расплатиться, а то он больше никуда не повезет. Лена недоуменно пожала плечами.
- Ну и расплатись. Я-то тут при чем?
- Да ни при чем, конечно. Только... – Денис искательно заглянул ей в лицо. – Слушай, выручи, а? У тебя ведь есть бабки?
- Может, тебе еще и ключ от квартиры дать? – не выдержала Лена.
- Нет, ключа не надо. Только триста рэ.
- Лена вдруг поняла: все эти дни она знала, что так будет. Знала, что он вернется, знала зачем. Знала и... ждала.
- Хорошо ж ты покатался, – язвительно заметила она.
- Денис ничего не ответил, однако хитро ухмыльнулся.
- Из машины высунулась встрепанная женская головка, сплошь в пегих перышках.
- Ден, ты скоро? – произнес насквозь прокуренный, но тем не менее юный голосок.
- Скоро, – успокоил девицу Денис и мельком покосился на Лену – как та оценит, что он в такси не один.
- Говоришь, триста? – Она расстегнула молнию на сумочке. Его лицо заметно оживилось.
- Угу.
- На, возьми. – Лена достала из кошелька три сотенных бумажки.
- Большое спасибо. – Денис церемонно раскланялся, забрал купюры и побежал к автомобилю.
- Лена, слегка наклонив голову, наблюдала, как он сует деньги водителю. Взревел газ. Такси фыркнуло и умчалось со двора. Лена с удивлением смотрела на Дениса, оставшегося стоять посреди тротуара.
- Чего ж ты не поехал?
- Да ну, – он пренебрежительно махнул рукой, – я свое отдал. Дальше пусть сама расплачивается... натурой. – Денис весело хихикнул и снова подошел к Лене. – На чай пригласишь?
- Еще чего. – Она двинулась к подъезду, отчетливо слыша за спиной его шаги. Пред тем как открыть дверь, Лена обернулась. – У тебя совесть есть?
- Нету. – Ей показалось, что он запросто может просочиться сквозь стену, как джинн из бутылки. Что толку его не пускать?
- Учти, это будет только чай, – предупредила она.
- Понял.
- Раз понял, то хоть продукты возьми. Все польза от тебя будет.
- Денис кивнул и с готовностью подхватил пакеты из ее рук.
- Они зашли в квартиру, и Денис тут же испарился, будто попал к себе домой. Лена даже определить толком не смогла, куда он делся – то ли в гостиную, то ли в спальню, а может, и в детскую.
- Она затащила сумки на кухню, выгрузила их содержимое, оставив на столе пастилу, нарезку колбасы и батон. Потом вытряхнула из чайника старую заварку, сполоснула его под краном, достала с полочки новую, запечатанную пачку чая и поставила кипятиться воду.
- В это время в кухне возник Денис. Прислонился к стиральной машине, смерил Лену нахальным взглядом.
- А ты без меня скучала.
- Да что ты говоришь? – едко парировала она.
- Точно. Курила много. Пепельницы битком.

– Ну и что? Я всегда много курю. – Лена раскрыла коробочку и стала насыпать в чайник свежую заварку.

– Вот и врешь, – спокойно заметил Денис, – в прошлый раз такого не было.

Ее рука дернулась, заварка посыпалась на пол.

– Слушай, сделай милость, заткнись. И сядь за стол, чай сейчас вскипит.

– Какая же ты ворчунья, – Денис укоризненно покачал головой, – фиг с ним, с чаем, лучше иди сюда. – Он широко раскрыл объятия.

– Ден! – Лена сделала отчаянные глаза. – Мы же договаривались! Договаривались или нет?

– Конечно, договаривались, – с шутливой деловитостью произнес он и пошел на нее. Шаг, еще шаг. Лена смотрела на него как зачарованная, не в силах пошевелиться. За ее спиной громко зашипел, забулькал чайник.

– Так о чем мы договаривались? – Руки Дениса цепко обвили ее талии.

– Осторожно. Кипяток. Мы обваримся. – Ее сил хватило лишь на эти глупые слова.

– Не обваримся. – Он осторожно, но настойчиво повлек Лену прочь из кухни.

Они двигались медленно, обнявшись, точно вальсируя. Коридор, поворот налево, комната. Он уже стаскивал с нее одежду, лихорадочно, нетерпеливо, и Лена принялась помогать ему, сама освобождаясь от всего.

«Как я могу?» – стучало у нее в мозгу. И чей-то голос, чужой, незнакомый, яростный, тут же отвечал: «Могу! Могу! И хочу!...»

...Постель была полуразобрана, на полу в беспорядке валялись вещи.

– Вот и выпили чаю, – насмешливо произнес Денис Лене на ухо. Она лишь бессильно отмахнулась и опустила ресницы. Он встал и принялся не спеша одеваться. Аккуратно застегнул рубашку, отошел к окну.

Теперь они с Леной располагались с точностью наоборот: она лежала в постели, укрывшись одеялом, а Денис сидел в кресле, скрестив руки на груди. Вид его выражал лукавство и озорство.

– Слушай, на сколько уехал твой муж?

– На два месяца.

– А дети?

– Дочки вернутся через три недели.

Он помолчал, переваривая информацию. Потом произнес вкрадчиво:

– Есть идея. Почему бы тебе не пустить меня к себе пожить до их приезда? Нам вместе неплохо, у меня... скажем так, временные трудности, у тебя тоже.

– Кто тебе сказал, что у меня трудности? – вскинулась было Лена.

– Видно невооруженным взглядом, – безапелляционным тоном заявил Денис.

Лена вновь не нашлась что возразить, просто молчала, полусидя в кровати, глядя на него внимательно, неотрывно. Черт какой-то, змей-искуситель, рыжая бестия. Ловко плетет свои сети, так, что из них не выпутаешься, как ни старайся.

– Я тебя не обременю, – проникновенно заверил Денис. – И на бабки я не жадный, хватит совсем немного.

– А если я скажу, чтобы ты проваливал? Тогда что?

Он пожал плечами:

– Тогда пойду искать другое место жительства.

– На тех же условиях? – усмехнулась Лена. Ей наконец удалось немного овладеть собой.

– Не знаю, – без всякой обиды проговорил Денис. – Там видно будет.

Она вдруг подумала, что ей давно не было так весело. Он развлекал ее, заставлял мозги работать быстро и четко, провоцировал на язвительность и остроумие. А главное, на пару с ним легко и просто было смеяться над самой собой. Это оказалось неожиданно приятным.

– Черт с тобой. – Лена отвела глаза в сторону.

– Это в каком смысле?

– В смысле – оставайся.

– Класс! – обрадовался Денис и поднялся на ноги. – Знаешь, теперь есть только одна проблема.

– Какая еще проблема? – насторожилась Лена.

– Ну как! Я до сих пор не знаю твоего имени, хоть это и пошло звучит. Может представишься?

Она почувствовала, как загорелись щеки. Вот уж правда, нет ничего глупей – дважды переспать с человеком, который даже не знает, как тебя зовут. Еще пять дней назад Лена бы плюнула в лицо тому, кто отважился бы заявить ей, что она на такое способна. Но теперь...

Теперь, кажется, уже все равно. Что-то подсказывало Лене: происходящее сейчас – лишь начало, а впереди ее ожидает нечто, о чем и помыслить невозможно на трезвую голову.

– Ума не приложу, как тебе представиться, – честно призналась она, – надо бы по имени-отчеству.

– Только не по имени-отчеству. – Денис, дурачась, изобразил на лице испуг. – Ты же не училка какая-нибудь. Сколько тебе?

– Много, – Лена коротко усмехнулась, – примерно раза в два больше, чем тебе.

– Ну это ты загнула, – уверенно возразил Денис. – Даю на глазок тридцать два. Угадал?

– Почти. Тридцать пять. А тебе?

– Двадцать.

– Никогда бы не сказала, – вырвалось у нее против воли.

– Ты тоже не выглядишь на свой возраст, – утешил ее Денис, – так что не будем официально. Ваше имя, сеньора?

– Лена. Елена.

– Очень мило. – Он приблизился к кровати и протянул ладонь. – Приятно познакомиться. Обо мне вы уже слышаны.

Она поколебалась, затем пожала его руку. Их пальцы переплелись. Несколько мгновений оба в упор смотрели друг на друга. Потом Денис неожиданно ловким и точным движением толкнул Лену обратно на кровать.

– Ты с ума сошел! – Она попыталась освободиться, но он крепко прижимал ее к подушке. – Пусти!

– И не подумаю. Кажется, зря одевался.

– Я закричу!

– Рассказывай басни Крылова. – Он нагнулся и поцеловал Лену в губы. Она хотела отвернуться, но вместо этого ответила на поцелуй. Ее пальцы нащупали ворот его рубашки, расстегнули верхнюю пуговицу.

– Я ж говорю, зря одевался, – со смехом повторил Денис...

Глава 5

Потом наконец дошла очередь и до чая с пастилой. Они сидели на кухне, поглощали бутерброды с колбасой и мирно болтали. Разговор тек легко и непринужденно, будто оба были знакомы лет сто, не меньше.

– Лен, а ты чем занимаешься? – Денис потянулся и взял из вазочки последний брусок пастилы. – Домохозяйка?

– Нет, почему? Я работаю.

– Где?

– В музее.

– В каком?

– Ты все равно не знаешь. Есть такой музей Феофанова.

– Это математик, что ли? – поинтересовался Денис.

– Да нет, не математик. Он... как бы тебе объяснить, имел разные дарования. Стихи сочинял, изобретал, рисовал, лепил.

– Многовато для одного мужика. – Он осуждающе покачал головой. – Лучше бы он сконцентрировался на чем-нибудь одном, проку бы было больше.

– Кто бы говорил, – насмешливо заметила Лена и встала из-за стола. – Ты еще чаю будешь?

– Нет, спасибо.

– А кофе?

– Я же говорил, что не пью кофе.

– Ладно. Тогда давай чашку, я вымою.

Она собрала со скатерти посуду, отнесла ее в раковину, надела фартук. Денис продолжал сидеть на табурете, ловко подбрасывая и ловя маленькую серебряную ложечку. Та делала в воздухе замысловатые пируэты и неизменно возвращалась в его руки.

Лена неожиданно вспомнила странное прозвище, которым наградил Дениса один из отморозков во время драки.

– Ден, а почему этот Кнопа называл тебя Жонглером?

– Нипочему. – Ложечка, звякнув, шлепнулась на пол. Денис поднял ее, небрежно кинул на стол. Лицо его сделалось напряженным и замкнутым.

– Это что, тайна? – Лена невольно улыбнулась. Поведение Дениса показалось ей слишком уж детским, мальчишеским: угрюмый тон, надутая физиономия.

– При чем тут тайна? – Он уже справился с собой, голос его стал спокойным, взгляд, по обыкновению, безмятежным. – Мало ли кто как кого называет? Особенно такие типы, как Кнопа.

– Нечестно выходит, Ден. – Лена засунула в сушку последнюю тарелку и отвернулась от мойки. – Ты обо мне знаешь почти все – и где я живу, и с кем, и кто по специальности. А я про тебя – ни черта. Может быть, ты какой-нибудь аферист или вообще маньяк?

– Ага, маньяк, – с готовностью подтвердил Денис, – сексуальный. – Он снова завертел ложечку между пальцами.

– Но, по крайней мере, хоть что-нибудь о себе рассказать можешь?

– Смотря что тебя интересует. – Он хитро прищурился.

– Ну, например, откуда ты взялся в Москве? – Лена вытерла мокрые руки о фартук и присела к столу.

– Хорошо. – Денис тряхнул рыжеватой челкой. – Если я скажу, что из Козлянска, ты ведь все равно не поверишь?

– Нет, конечно, – засмеялась Лена.

– Ну и зря. Надо знать географию родной страны. Это поселок такой, городского типа. Неподалеку от Тамбова.

– Врешь?

– Ничуть. Населения тысяча пятьсот человек. Три школы, пять детских садов. Один завод по обработке фаянса.

– И ты оттуда родом?

– А что, не похоже? – Денис весело ухмыльнулся.

– Ну... не знаю. – Лена неопределенно пожала плечами. Она опасалась верить ему до конца. Интуиция подсказывала, что Денис врет через слово, так же легко, как дышит, врет и забавляется этим, словно в мячик играет. Заманит в ловушку, а потом будет хохотать над ее наивностью.

– Что еще тебе рассказать? – произнес Денис с нарочитой вежливостью.

– Почему ты уехал?

– Ты бы тоже уехала на моем месте. Работы нормальной нет, девчонок всех наизусть знаю, скука смертная, хоть вой.

– Ну и что ты делал в Москве? Правда, что ли, в институт поступал?

– Да нет, – откровенно признался Денис. – Просто искал, чем заняться.

– И что, не нашел?

– Без регистрации никуда не берут. Только в грузчики или в чернорабочие.

– А ты ручки замарать боялся? – ехидно поддела Лена.

– Не в ручках дело, а в физической нагрузке. Мне ее надо ограничивать.

– Ах, ну да, больное сердце. – Лена с комической жалостью покачала головой.

Она понимала, что круг замкнулся. Ничего существенного про себя Денис ей не расскажет. Он для нее – закрытая книга и умело останется в этом образе. Что там у него за душой? Скорей всего, только корысть и алчность. Да еще презрение к глупым старым дурам, которые, как рыбки на червяка, клюют на его внешность и молодость.

То, на что решилась Лена, оставив парня у себя в доме, – не что иное, как обыкновенная сделка. Ей нужны сильные эмоции, ему – крыша над головой, вот они и квиты. В конце концов, что такое три недели – миг, пролетят без следа...

Лена искоса глянула на Дениса. Тот так ничего и не сказал в ответ, сидел и молчал, тоже, видно, думая о своем.

– Ладно, – она встала, – пойду поработаю.

Он поглядел на нее вопросительно.

– Я пишу книгу, – объяснила Лена.

– Любовный роман? – оживился Денис.

– Нет.

– Тогда что, детектив?

– Не угадал. Это монография о Феофанове, описание его жизни, творчества.

– Снова Феофанов, – Денис пренебрежительно фыркнул, – странная ты какая-то.

– Я странная? – возмутилась Лена, – Ты на себя посмотри!

– Я-то как раз нормальный, – высокомерно отозвался он.

– Нормальные не просят милостыню, – жестко произнесла Лена, – нормальных не валяют ногами по асфальту. Нормальные...

– Ладно, ладно, – поспешно перебил Денис, – уймись уже. Телевизор можно посмотреть, пока ты сочинишь свою книжку?

– Делай что хочешь.

– Знаешь, – он тоже поднялся, подошел совсем близко, – я все-таки нашел тогда работу в вашей паршивой Москве.

– Какую работу? – не поняла Лена.

– Обыкновенную. В фастфуде.
– Ну и что тебе там не сиделось?
– Выгнали. Выручки в кассе недосчитались, свалили на меня.
– А на самом деле кто был виноват? Не ты?
– Не я. Девица одна. Она сама мне рассказывала, что с детства страдает kleptomанией.
– Что же ты промолчал? Донес бы на нее.
– Ненавижу фискалить.
– Ой, Ден, – Лена обхватила руками голову, – ты меня заколебал. Помолчи, пожалуйста, хотя бы минут сорок. Хорошо?

– О'кей. – Он мягко, по-кошачьи, ступая, вышел из кухни.
– Дурдом, – вполголоса проговорила Лена и пошла к компьютеру.

Нечего и говорить, что работа не заладилась. Все, что она сочинила по пути с рынка, давно испарилось из головы. Мысли то и дело возвращались к тому, что с ней произошло.

Почему она решилась на столь шокирующее приключение? Как могла связаться с глупым, малообразованным мальчишкой – с ее-то жизненным опытом, с университетом за плечами, с десятилетним стажем служения Феофанову? Необъяснимо, но, кажется, она уже скучает по Денису – презирает его всей душой и одновременно жаждет общения. Согласна слушать бред, который он несет, готова спорить по пустякам.

Лена подняла голову от монитора и прислушалась к звукам, доносящимся из соседней комнаты. Телевизор был настроен на музыкальный канал.

Лена встала, мотнула головой, пытаясь сбросить наваждение. Нет, она не пойдет туда, еще не совсем сошла с ума. Или... совсем? Может быть, Денис прав – она странная, слишком сложная, вся во власти предрассудков? Нужно быть проще, жить, как он, не раздумывая, не загадывая далеко вперед. И тогда станет веселей и легче, мир обретет недостающую гармонию и яркие краски. Нужно быть проще...

Лена на цыпочках приблизилась к двери, осторожно толкнула ее. Вышла в коридор, добралась до гостиной. Заглянула внутрь.

Денис сидел, небрежно развалившись на диване, голова чуть наклонена, в руке пульт. Внимание его было полностью поглощено экраном. Лену он не замечал. На журнальном столике белела очередная упаковка жвачки.

Лена тихонько кашлянула. Денис обернулся.

– Уже написала?

Она покачала головой.

– Ничего я не написала. Не могу.

– А о чем ты пишешь? Я имею в виду – конкретно сейчас.

– Об одной из картин, хранящихся в музее. Она называется «Миг счастья ускользающий».

– Какой миг счастья? – не понял Денис.

– Ускользающий.

– Это с какого же бодуна можно придумать такое название? – Он переключил канал. Лена вздохнула и уселась рядом. Как бы невзначай коснулась его волос.

– Эй, писательница, – он поймал ее ладонь в свою, – чем мы завтра будем заниматься? У тебя есть какие-нибудь планы?

– Никаких.

– Тогда я отведу тебя в одно место. Классное, и вход недорогой.

– Перестань. Я никуда с тобой не пойду.

– Это еще почему? – Денис притянул ее вплотную к себе.

– Догадайся с трех раз.

– Стесняешься, что ли? Не будь дурой, у тебя никто не станет спрашивать паспорт.

– При чем тут паспорт? И так все видно.

– Что видно? Ты красивая женщина, только слишком замороченная по части интеллекта.

Но мы постараемся это исправить.

– Ну ты и нахал! – Лена сделала попытку вырвать руку, но Денис не отпустил.

– Да, я нахал, и скажи мне за это спасибо. Скромного и рассудительного ты заешь в два счета и сама скиснешь от собственного занудства. Что изображено на твоей гениальной картине?

– Какая тебе разница? Ты все равно все это презираешь – и мою работу, и музей, и Феофанова.

– Я спрашиваю, что там нарисовано? Портрет, пейзаж?

– Пейзаж. – Лена прижалась щекой к его плечу. – Поляна в лесу. Много света. Деревья, цветы. Целая куча животных и птиц.

– Что-то наподобие Шишкина?

Лена кинула на Дениса удивленный взгляд. Подумать только, какая пронизательность и осведомленность! Стало быть, не так уж он невежествен, как прикидывается.

– Абсолютно верно. Только Феофанов жил на сто лет раньше. Тогда никто так не писал.

– Вот и ему не нужно было выпендриваться. Творил бы в духе своего времени и не задавал загадок потомкам. А в клуб мы все-таки пойдем.

– Что там нужно делать? Танцевать?

– Если захочешь.

– Я не люблю танцевать.

– Ну и не танцуй. Смотри развлекательную программу.

– Это стриптиз, что ли?

– Почему обязательно стриптиз? Слушай, ты как наши тетки из Козьянска! В постели такое творят – волосы зашевелиятся, а по телику голую бабу увидят – и нос воротят.

– Откуда ты знаешь, что творят в постели козьянские тетки? – Лена ткнула Дениса кулаком в бок.

– Знаю. – Он щелкнул пультом и выключил телевизор. Слегка переместил ее голову на своем плече. – Так удобнее.

– Хорошо. – Она прикрыла глаза, слушая его дыхание, тихое и ровное.

В клуб так в клуб. Куда угодно, лишь бы скрыться от себя самой, не чувствовать, как ты одинока на этом свете, до жути, до крика, до комка в горле. Лишь бы слышать, что рядом кто-то дышит...

Глава 6

Утром Лена проснулась первой. Приняла душ, приготовила завтрак. Денис все спал и спал. «Точь-в-точь как Ритка», – с добродушной усмешкой подумала Лена.

Ее девчонки были совершенно разными. Валюшка вскакивала как штык, едва за окнами начинало светать. Она была такой с самого рожденья: грудничком не давала Лене и Виктору понежиться в постели, громко требуя внимания, смены мокрых пеленок и молока. Привыкнуть к этому было тяжело, особенно после флегматичной, спокойной как удав Ритки. Та запросто могла пропустить кормление, чуть позже с трудом вставала в детский садик, а уж в школьные годы требовались неимоверные усилия, чтобы разбудить ее.

Обычно Лена первой поднимала Валюшку, кормила ее завтраком, а уж потом принималась за старшую дочь. Ритка со сна стонала, ругалась, брыкалась. Иногда Виктору надоело слушать бесконечные уговоры и увещевания, он врывается в детскую со стаканом холодной воды и выплескивал ее Ритке за шиворот. Такое, правда, случалось нечасто, зато потом, в течение недели, Ритка вскакивала на уроки по первому звонку будильника. В выходные на нее попросту махали рукой – она могла дрыхнуть до полудня, а то и дольше...

...Лена глянула на часы – стрелки переползли за одиннадцать. Пора просыпаться, мистер соня. Она решительно направилась в спальню, подошла к кровати, потянула край одеяла.

– Подъем.

– Да... потом... когда будет следующая комиссия, – пробормотал Денис, не открывая глаз.

– Какая комиссия? – удивилась Лена. – Что ты плетешь? Поднимайся давай, время почти двенадцать.

– Пятьдесят на пятьдесят... если повезет. – Он вдруг замолк, резко выпрямился на кровати, ошалело глянул на Лену.

– Что, кошмары мучают? – Она улыбнулась и потрепала его по голове. – Надо спать на боку, а не на спине. Так рекомендуют невропатологи.

Денис натянуто улыбнулся.

– Я что-то говорил?

– Да. Про какую-то комиссию и везение. И еще... а, вот, вспомнила, «пятьдесят на пятьдесят». Тебе, наверное, экзамен снился.

– Может быть, не помню. – Денис обеими руками взъерошил шевелюру и сладко зевнул. Нарочито, как показалось Лене. Она видела, его что-то беспокоит. Но что именно, не могла уловить.

– Ты вставать думаешь?

– Думаю.

– Даю тебе пять минут. Еда на столе, остынет, второй раз разогревать не буду. – Она пошла к двери.

– О, прямо как моя мама, – уже весело произнес ей в спину Денис.

Лена обернулась:

– А у тебя и мама есть?

– А как же. В Козлянске.

– И как, интересно, она относится к тому, чем ты занимаешься?

– Понятия не имею. Мы с ней полтора года не виделись. – Он принялся натягивать джинсы.

– Но по телефону-то вы общаетесь? – не сдавалась Лена.

– Это сколько угодно. По телефону я ей говорю, что работаю. В том самом фастфуде.

– И не стыдно тебе?

– Мне никогда не бывает стыдно. В отличие, например, от тебя. – Денис метнул на нее быстрый взгляд, полный ехидства.

– Не бойшься, что я тебя выставлю? – спокойно поинтересовалась она.

– Нет, теперь уже не выставишь. – Он аккуратно взбил подушки, накинул покрывало и повернулся к Лене: – Где там твой завтрак? Жрать хочется зверски.

Позавтракав, Денис объявил, что поедет за своими вещами – они у него на вокзале, в камере хранения.

– Вернусь как раз к обеду, – пообещал он, – а часов в пять можно будет собираться.

По правде говоря, Лена втайне надеялась, что Денис передумал насчет их похода в клуб. На худой конец, она была согласна отпустить его туда одного, снабдив деньгами, – пусть себе развлекается, а она займется книгой. Однако его слова убедили ее в обратном.

Денис ушел. Лена, оставшись одна, прибрала в квартире, сделала кое-какие хозяйственные дела. Потом вспомнила, что за минувшие дни позвонила Тамаре лишь один раз, сразу после визита к Серафимову.

Лена накрутила диск телефона. Подошел Вовка.

– Вовик, как мама? – поинтересовалась Лена.

– Хорошо. Температура нормальная. Но таблетки она еще пьет.

– Правильно, – одобрила Лена, – надо пять дней. Позо-ви-ка ее.

– Слушаю, – сипло произнесла в трубку Томка.

– Это я, – сказала Лена.

– Очень приятно. У меня кисель на плите, не могу говорить.

– Так перезвони.

– Обязательно.

Грянул отбой. Лена немного постояла в прихожей, потом зашла в гостиную и села на диван. Работать над книгой не было ни малейшего желания. Она поймала себя на мысли, что машинально отсчитывает время, оставшееся до возвращения Дениса. Он говорил, что приедет в три, а сейчас лишь половина второго.

Неожиданно Лене пришло в голову, что он может вообще не приехать. А что? Очень даже запросто: неизвестно, какие идеи посетят его в ближайшие полтора часа. «Все, что ни делается, к лучшему», – успокоила она себя, однако ей стало неуютно и тревожно.

Минут через двадцать перезвонила Тамара.

– Ну вот, теперь я свободна. Что новенького?

– Ничего. Бездельничаю.

– Везет. А мне Жека борщ заказал на обед, сейчас буду снова париться у плиты.

– Как там Семен Ильич? – спросила Лена.

– Лучше. Давление нормализовалось. Да ты бы сама к нему съездила, раз все равно делать нечего. Хоть бы и сегодня вечером.

– Вечером не могу, занята.

– Тогда прямо сейчас.

– И сейчас не могу.

– А говоришь, бездельничаешь! Вся такая занятая, просто страсть! И голос у тебя какой-то странный.

– Почему странный? – испугалась Лена.

– Не знаю. Ты обычно так не разговариваешь.

– Как?!

– Сексуально! Волнующе! С придыханием!

– Томка! – отчаянно крикнула Лена.

– Да шучу я, шучу, – та расхохоталась, – не хочешь поделиться, какие у тебя дела?

– Боже мой, да самые обыкновенные, домашние. Стирка, например.

– Опять! Ну, Ленка, с такой любовью к стирке ты могла бы запросто открыть прачечную, – язвительно заметила Тамара, – ладно, не буду тебя отвлекать. Иди стирай.

Лена повесила трубку и прижала к пылающим щекам ладони. Вот оно, начинается! Теперь все пойдет шиворот-навыворот.

Ну и пусть!

Она решительно махнула рукой. Что там говорила Томка насчет борща? Она тоже может сварганить грандиозный обед, и борщ умеет готовить не хуже, а может, даже лучше.

Обрадованная и воодушевленная, что нашла способ убить слишком медленно ползущее время, Лена переоделась и поспешила на рынок. Купила там необходимые овощи, приправу, свежую зелень, резво вернулась домой и принялась старательно перемывать и шинковать капусту, свеклу и морковь. Через десять минут огромная кастрюля угрожающе булькала на плите, исходя паром и оранжево-золотистой пеной. По кухне распространялся упоительный аромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.